

Инна Сударева

Драконьи планы

Часть первая. Через эшафот

*И страшно немного,
без света, без друга.
Дорога, дорога.
Разлука, разлука.*

Николай Рубцов

Стучали чёрные палочки в чёрные барабаны, и человек в чёрном капюшоне, закрывающем лицо, стоял над толпой, неподвижный и важный, словно статуя великого полководца, и ждал своего часа.

На Чёрной площади города Ситэлана готовились вешать преступников.

Три виселицы темнели на фоне ясного, голубого неба.

Две были обычными, а вот одна блестела свежей алой краской — она готовилась принять того, в чьих жилах текла королевская кровь.

Немыслимо!

Чтоб члена королевского клана вешали, как вора!

Такого никто из заполнивших площадь людей не мог вспомнить: ни молодые люди, ни пожилые,

ни глубокие старики.

Но в древнем Законосборе, который подарил людям небесный бог Удэо, было написано алым по белому: «Даже правителям не прощайте отцеубийства, матереубийства, братоубийства и детоубийства, вешайте их, люди, как собак, и так с каждым поступайте, кто против крови родной нож или меч поднимет»...

— Не виновата, не виновата, — шептали бледные губы молодой Брианы.

Пёстрая толпа иступлённо ревела, особо распалившиеся и опьяневшие забрасывали объедками и грязью приговорённых, которых вели стражники.

На королевском балконе стоял лишь герольд — высокий изящный мужчина в ярком плаще и колпаке, украшенном алым пером. Сам государь Бурард не пожелал смотреть на казнь и прислал вместо себя и свиты только сэра Магнуса. И никто из двора не пришёл на площадь; даже те дамы, которые неделю назад гордо именовали себя приближёнными королевы Брианы. Герольд же стоял вполоборота и не смотрел на эшафот, делал вид, что увлечён событиями на дальней улице (там как раз не могли разехаться фургончик с зеленью и телега с глиняной посудой), и, таким вот образом, выражал своё полное пренебрежение к происходящему на Чёрной площади: к толпе, к

палачу и стражникам, и — самое главное — к осуждённому.

— Не виновата, я не виновата, — бормотала леди Бриана, связанными руками вытирая со щеки вонючую кашицу от гнилого яблока.

— Заткнись, дура! — выкрикнул ей шедший рядом паж Томас, совсем еще мальчишка, лохматый и бледный, с глазами, горящими безумием. — Мы все невиновны! Не-ви-нов-ны! — он заорал в полный голос, замахал руками, запрыгал, словно старался, чтоб его всем-всем было видно.

Один из стражников ударил его древком копья под колени — Томас упал, рыдая и скуля. Ближайший солдат, под одобрительный рёв горожан, запихал в рот юноше свою рукавицу, разодрав при этом юноше губу, потом заставил парня подняться, толкнул вперед. Томас покорно пошел, подвывая, словно избитая собачонка, сгорбленный, дрожащий, не имея смелости вытащить кляп изо рта.

— Недоноски! Сволочи! Черви навозные! Адовы слуги уже заждались вас! — так нынче приветствовали тех, на кого в иные дни смотрели с обожанием, кому кричали «слава!», кого осыпали цветами и золотистой крупой.

«Свет небесный! Неужели ж нынче моё время? — пронеслось в голове у Брианы, когда она

увидела свою виселицу. — Этого не может быть! Нет!»

Она и выкрикнула:

— Нет! Нет!

На секунду народ замер, затих, таким громким оказался вопль девушки, стоящей на скамье с петлей на шее.

— Я не убивала брата! — выкрикнула Бриана. — Вы все слушайте: я не убивала бра-та!

Её виселица была красной, но это не радовало и не приносило облегчения. Это было лишней порцией позора, дополнительной болью для измученной души.

— Простите меня, ваша милость, — сказал палач; по обычаю он должен был просить прощения у того, кого собирался умертвить.

— Я... я, — девушке уже было тяжело говорить: казалось, веревка уже душила ей шею. — Я тебя прощаю. Ты всего лишь приказ исполняешь. Приказ моего отца...

Палач склонил голову и ступил к следующему приговорённому — к скулящему бедолаге Томасу.

Бриана закрыла глаза, еле слышно застонала. Ноги были ватными, ужасно болел живот, ужасно хотелось плакать. И орать хотелось. Примерно так, как она иногда орала перед боем, когда было страшно, а надо было заставить себя идти вперёд и вести за собой солдат.

В двадцать два года ужасно не хотелось умирать, особенно на виселице. Пусть и на красной...

Она почувствовала, как скамья, на которой они стояли, заходила ходуном: палач ударил в неё ногой.

Услышала, как заревели вокруг люди.

Успела ещё вспомнить о зеленых глазах рыжего Виллема из Клана Белого Копья, который приглашал её на танец на празднике Весенних Лучей, и полетела куда-то, шеей ощущая грубую, безжалостную удавку...

* * *

Треск, грохот, боль...

А потом Бриана опять смогла открыть глаза.

Она лежала на спине и ничего не понимала: над ней нависало всё то же свинцовое октябрьское небо, готовое в любую минуту разродиться холодным дождём.

Бриана и не слышала ничего — только неприятный гул стоял в ушах.

Кто-то помог ошеломленной девушке встать на ноги.

Она опять увидела людей, что толпились у помоста, глазели на неё, махали руками, что-то кричали. Их лица, все как одно, казались

уродливыми и злыми...

— Вот же дубина! На такую красивую виселицу уже и веревки приличной не нашёл! — вопили палачу.

— Ну, и что теперь? Что теперь? — палач перекрикивался с толпою, словно торговец с привередливым и надоедливym покупателем.

— Новую верёвку ищи, олух! — пискнула какая-то женщина, покрытая язвами.

— Этого нельзя! Если верёвка оборвалась, заново человека не вешают! — выкрикнул кто-то. — Полагается отпустить!

— Так что ж? Отпустить её? — пожал плечами палач, глядя на Бриана, которая стояла столбом, до сих пор не придя в себя. — Она вроде как умом тронулась...

— Отпуска-ай! Отпуска-ай! — завопил кто-то из парней. — Пусть идёт. Посмотрим, как далеко эта убийца пройдёт!

Палач с вопросительным взглядом обернулся к сержанту стражи.

— Да, так оно всегда: коль верёвка оборвалась, заново не вешают, — сказал он солдатам.

— Ну, отпусти её. Далеко всё равно не уйдёт, — ухмыльнулся рябой сержант.

— Порвут ведь её, — сказал палач, а шёпотом добавил, — дочку королевскую.

— Ты что такое болтаешь, дурак? — выверился сержант. — Она — убийца наследника! И государь наш отрёкся от этой сучки! Давай, пускай её, пусть идёт к людям. Пусть народ решает, что с ней делать.

Народ — было видно — уже приготовился решить судьбу девушки.

Как рвать людей, жители стольного Ситэлана хорошо знали, потому что казни такие по милостивому соизволению короля устраивались на Чёрной площади чуть ли не каждую неделю. Обычно к такой ужасной расправе, красиво именуемой «суд народа» приговаривались насильники и мужеложцы. Приговорённые очень быстро разрывались на части, мелкие и крупные, и разносились по домам Ситэлана. Многие шли в торг. Из таких «вещичек» потом местные знахари делали различные снадобья от всевозможных болезней и напастей...

— Воды можно? — прохрипела Бриана, только сейчас сообразив, что произошло.

Тот стражник, что поднял её на ноги, протянул фляжку.

Девушка сделала пару глотков и даже улыбнулась, почувствовав, что горло вполне может глотать, а простая вода столь прекрасна на вкус.

Палач, тем временем, вытащил из-за своего широкого пояса нож и живо разрезал веревку,

которая опутывала запястья девушки.

Бриана посмотрела на освободителя изумленными глазами.

— Прости меня снова, твоя милость. А потом иди себе с помоста. Куда хочешь, туда и иди, — сказал палач, стараясь не смотреть в глаза недавней подопечной.

Девушка оглянулась на свою красную виселицу: на перекладине сидел крупный черный ворон и косился на Бриану своим темным, похожим на опаловую бусину, глазом. Рядом же, на соседних виселицах покачивались, вывалив изо ртов страшные синие языки, пажи Томас и Волан. Совсем еще мальчики. Разве могли они задумать что-то такое плохое, за что их так жестоко покарали?..

Королевская дочь судорожно сглотнула и сняла с шеи петлю. Швырнула её в толпу. Те, кому достался этот предмет, восторженно заорали: веревка с шеи висельника дорогого стоила, потому что берегла дом владельца от воров.

— Иди, — приказал сержант девушке. — Давай-давай, — замахал рукой, поторапливая.

Бриана глянула на него, а потом неуверенно ступила к лесенке, ведущей вниз.

— Иди веселей! Ты теперь свободна, как ветер морской, красно-отка! — закричали Бриане из толпы.

Людское море расхохоталось, заволновалось, готовясь поглотить, уничтожить мелкую рыбку.

Бриана начала спуск по лесенке в пять ступенек. Пять — это она отметила ещё тогда, когда поднималась по ним...

И вновь закрыла глаза.

Она пару раз видела, как народ «судил». Но никогда не думала, что окажется в такой же каше...

Остановившись на третьей ступеньке, Бриана открыла глаза.

«Отец... что он скажет, когда узнает, как меня казнили? Разве скажет? Он отрёкся... меня больше нет... вычеркнули из всех свитков, из всех звеньев, из памяти, из жизни...»

Она посмотрела в глаза тех, кто ждал её внизу. Ничего доброго и хорошего. Как и в тех руках, что к ней протянуты.

— Чего стала? Иди давай! — грубый, визгливый голос. — Ждём, ждём...

«Демоны в аду такие же», — подумала Бриана и сделала ещё один шаг.

Перед глазами на секунду мелькнуло лицо, полузакрытое капюшоном. Над губой — темная родинка...

Ещё один шаг вниз.

Тут кто-то схватил Бриану за руку, дёрнул к себе. Народ заорал, откуда-то повалил дым, а на голову Бриане набросили то ли мешок, то ли

тряпку. Телу стало больно — все кости заломило, череп, казалось, раскалывался, а позвоночник горел огнём.

Неужели вот так? Так всё, когда тебя рвут?

И Бриана закричала, забарахталась в этой холстине и вдруг полетела куда-то, в мягкое, теплое, словно в матерчатый тоннель. И запуталась, забилась, словно муха в паутине. А боль накатывала сильнее и сильнее, хотелось саму себя разорвать, чтоб перестать мучиться.

Бриана успела еще заметить, что руки-ноги при ней и что вся она совершенно голая, а потом небо сжалилось над корчившейся от боли девушкой и отобрало у неё сознание...

* * *

— Открой глазки, крошка, — звали откуда-то сверху и очень громко.

Бриана сморщилась: вместе с сознанием к ней вернулась и боль. Проснулась в голове и тут же расползлась по всему телу. Правда, была она чуть слабее, чем раньше.

— Красивая рожица. А теперь глаза-таки открой, — вновь попросил кто-то.

Девушка разлепила веки и широко открыла рот, чтоб выдать крик ужаса. Но вместо ора вышло жалкое сипение: голос пропал совершенно.

— Понимаю, я ужасен, — согласился огромный и уродливый великан (его изрытый ямами и бороздами нос нависал над Брианой). — Я бы мог обратить тебя и раньше, пока ты без сознания валялась, но боялся тебя утопить. Теперь же сама пей.

Бриана ничего не понимала. Потом сообразила, что всё ещё голая, сгребла кое-как к себе дерюгу, на которой лежала, укрылась до самого подбородка и вновь с испугом уставилась на чуть отдалившегося великана.

Родинка над губой! Но теперь она была такая огромная!

— Посмотри влево, крошка, — сказал великан, и от его выдоха у Брианы волосы встали дыбом. — Там плошка с питьём. Доберись до неё и напейся, как следует. Так, чтоб живот раздуло. Тогда и вернёшься в прежние размеры... Ах ты, темень-мрак! Я ж не сказал главного! — великан засмеялся, показывая огромные белые зубы. — Это я тебя уменьшил, крошка. Там, у помоста, сыпанул тебе в лицо порошок особого и уменьшил. Еле-еле поймать потом успел, иначе затоптали бы тебя люди добрые. Ты теперь чуть больше мыши. Хочешь такой быть? Тогда можешь не пить.

До Брианы, наконец, более-менее дошло. Она повернулась влево, увидела что-то, очень похожее на бадью для купания, и попыталась встать на ноги.

Ничего не вышло — острая боль скрутила колени, и девушка со стоном повалилась на бок.

— Да-да, болит, понимаю. Это от того, что всё твоё тело ужалось, — пустился объяснять великан. — Без боли в этом деле никак не обойтись. Ну, что ж, держись за палец. Я тебя отнесу.

Бриана, скрипя зубами от боли, ухватилась за палец великана, напоминающий ствол древнего вяза, и таким образом была перенесена к бадье, в которую с наслаждением сунула голову, чтоб напиться.

Жажда мучила невероятно. Очень хотелось воды.

Но в плошке была не вода — было что-то мутное, красноватое и горькое на вкус.

Бриану чуть не вырвало.

— Пей-пей, по-другому — никак, — сказал великан.

«Что ж и выпью. Раз уж я жива, не мышью же мне жить», — рассудила девушка и вернулась к противному вареву.

Она пила и пила, пока не почувствовала, что отвратительное питьё уже чуть ли не из ушей лезет. Потом оттолкнулась от плошки, отползла подальше, скрутилась в клубок, замоталась в дерюгу.

Великан разложил перед Брианой какую-то тряпицу:

— Перекались на неё. Я тебя в постель перенесу. А то расти начнёшь — стол мне сломаешь. А стол мне нужен.

Бриана сделала то, что он просил.

— Хорошо, отлично, — сказал великан, неся девушку в ладонях. — Теперь будешь спать. Еще будет много боли, но ты терпи. Это тебя не убьёт. Я тебе потом одежду, еду дам. Станешь прежней, станешь человеком...

«Прежней? Разве прежней? Кем я стану? Кто он такой? — думала Бриана, глядя в огромные, серо-зеленые глаза великана. — Надо бы спросить, а голоса нет...»

— Да-а, — протянул великан. — Говорить ты не можешь — это ясно. Это так же из-за твоего уменьшения. Ты теперь только как мышь можешь пищать. Так что, если надо чего, зови меня, пищи... Хотя, я тебе пока ничем помочь не могу. Жди, пока вырастешь... О-о, ещё я кое-что забыл, — он опустил Бриана на кровать — на низкий, широкий топчан, на лоскутное одеяло. — Меня зовут Вега. Я северянин, из Клана Ночного Ручья. Живу я в разных местах, потому что люблю путешествовать. Нынче я — в Ситэлане. Кое-какие свои делишки устраиваю. И сейчас ты в той камере, которую я у одного скупердяя снимаю... Ладно, не буду больше болтать. Спи спокойно, крошка.

Сказав всё то, что он счёл нужным сказать,

великан Вега задернул грубый и местами дырявый полог и куда-то потопал.

Бриана тяжело вздохнула и вновь застонала — из-за вдоха больно-больно сделалось рёбрам.

Девушка осмотрелась: дощатый потолок, много паутины на балке, тёмная, бревенчатая стена, — вот всё, что пока было видно.

Но пахло здесь хвоей. И яблоками, и дивной пряностью — ванилью. Это успокаивало, усыпляло, даже боль уменьшало.

Бриана опять скрутилась клубком и закрыла глаза. Её мозг, тело жутко устали, и поэтому уснула страдальца мгновенно...

* * *

Она болталась между небом и землёй, на верёвке, как и положено повешенному, но цепко держалась руками за петлю, не позволяя удавке терзать горло.

Хотелось жить, жить, жить! Пусть даже затем, чтоб через неделю, две погибнуть в какой-нибудь жаркой битве за то, что угодно отцу-королю...

Невыносимая боль мучила Бриану: руки, ноги, спина, — всё ломило так, будто девушку избili палками. Голова горела. Казалось, мозг сейчас закипит, а череп лопнет, как созревший каштан. Болели уши, зубы, шея.

Потом чуть полегчало — верёвка исчезла, а над головой Брианы пронёсся кто-то огромный, чёрный... Ворон?

Бриана вздохнула свободнее, осмотрелась. Было сумрачно, туманно. Ничего не просматривалось сквозь молочно-голубую пелену.

Затем появилось что-то алое. Какой-то красный предмет приближался к девушке из тумана, становясь всё больше и чётче. Через пару минут она увидела: это мальчик лет десяти в просторном алом одеянии, очень похожем на ночную рубашку. Ещё через минуту Бриана узнала Гедеона — брата.

Она заплакала от радости, ведь Гедеон был жив! Протянула к нему руки, позвала по имени, но мальчик вдруг упал на колени и горько-горько заплакал.

— Братец, братец, — прошептала девушка, в порыве нежности бросаясь к Гедеону (ей хотелось обнять парня, успокоить, сказать ему, что всё будет хорошо).

— Стой! Не подходи! — закричал мальчик, не глядя на Бриану и вытягивая вперёд руки. — Тебе нельзя, нельзя! Но ты узнай, узнай, кто это сделал, — тут он встал и, не поднимая глаз на сестру, разодрал на себе алую рубаху, и Бриана отшатнулась в ужасе, увидав на белом, нежном теле ребёнка страшные синюшные язвы, извергающие

кровь.

Гедеон опять заплакал, ещё горше:

— Он ведь где-то рядом, сестра. Очень близко. Отыщи его, отомсти за меня. Мне очень плохо, сестра... отец меня не слышит. Он только плачет... наш отец...

Тут вдруг подул ветер, ледяной, порывистый, он погнал туман куда-то прочь. И Гедеона погнал вместе с туманом.

— Сестра! Сестра! — жалобно позвал мальчик, улетая со мглюю, подобно сорванному с ветки листу.

— Братец! Братец! — отчаянно закричала Бриана, глотая слёзы, бросаясь следом, но её ноги будто в землю вросли и не дали сделать ни шагу в ту сторону, куда влекло Гедеона.

Она прижала ладони к вискам, потому что там вдруг резко заболело, а в ушах у неё стоял её собственный крик и зов Гедеона, и от этого вновь стала пульсировать боль в черепе.

— Мой бра-ат, — простонала девушка, падая на колени, — о, мой бра-ат...

Она любила его, хоть он был любимчиком у отца и получал больше внимания и ласки. Единственный сын, наследник, которого баловали и оберегали все и от всего. Но он был ласковым и весёлым, умел сочинять стихи и красиво пел для своих отца и суровых старших сестёр, когда все они

собирались за одним столом в большой трапезной зале королевского замка. В такие минуты казалось, что ему больше подошла бы судьба странствующего поэта, а не будущего короля...

— Кто же убил тебя, Гедео-он? — скулила Бриана, тыкаясь болящей головой в холодную землю.

Земля вдруг бросилась на неё, словно кто-то напал с низу огромной ногой. Бриану швырнуло на спину, и тут же ей на грудь навалились целые пласты земли. И ещё, и ещё. Она вставала дыбом вокруг девушки и бросалась на неё, чтоб похоронить заживо.

Бриана попыталась закричать — голос пропал. Она попыталась отталкивать пласты, но её руки и ноги отказались подчиняться. И вот уже огромный ком земли лег девушке на лицо, песок забил ей глаза, нос и открытый рот, и Бриана замычала, забарахталась в этой живой могиле, пытаясь освободиться, но тут боль иглами пронзила ей позвоночник, ножом ударила под левую лопатку, и королева опрокинулась в некую бездонную пропасть и забыла саму себя и весь мир в придачу...

А потом она проснулась. И завывала в голос, потому что боль никуда не делась — стала острее. Бриане казалось, что её держат в котле с варом и еще постоянно тыкают то в одно место, то в другое раскалёнными прутьями, умножая муки. Было

темно и душно, и зверски хотелось пить.

— Тише, тише, — зашептал ей кто-то. — Вот вода. Теперь можно пить. Пей, сколько хочешь, давай, давай, — приподнял голову Брианы, поднёс ко рту кружку.

Она пила жадно, обливаясь и захлёбываясь, клацая зубами о глиняный край посуды. И пялила глаза в темноту, стараясь рассмотреть того, кто за ней ухаживал, но ничего толком не увидела, хотя где-то рядом горела свеча.

— Хорошо, молодец, теперь тебе полегчает. Перекатись на живот — я смажу тебе спину. От этого боль уменьшится, — шептал кто-то, и его слова напомнили Бриане о покойной матушке: она говорила дочери похожие слова, похожим тоном, когда та болела.

Бриана послушалась и через минуту улыбалась, наслаждаясь прикосновением прохладных и мягких ладоней: медленно и осторожно они умащали её горящие плечи и спину приятно пахнущим составом. И странное дело: девушку совсем не беспокоило то, что ухаживает за ней мужчина, а она сейчас лежит перед ним совершенно голая и беспомощная.

Заботливый кто-то стал напевать тихую песенку, колыбельную, и Бриана, блаженно улыбаясь (боль уходила из её измученного тела), уснула, и теперь её сны были спокойнее и светлее...

Так вот он какой, на самом деле, Вега с севера. Не такой уродливый, как сперва показалось. Вполне обычный молодой человек лет двадцати пяти, среднего роста и средней внешности. Эдаких неприметных и обычных, как горохом, по городам и весям понасыпано. Разве что серые глаза его нельзя было назвать обычными и неприметными — это были глаза человека умного, даже пройдошливого. Да вот еще родинка над губой не позволяла назвать Вегу неприметным. Почему-то, именно глядя на родинку, Бриана решила, что доверять парню нельзя.

— Та-ак, вот тебе шпанишки, вот тебе рубаха, — говорил, тем временем, Вега, выкладывая облачение на табурет рядом с топчаном, на котором сидела, завернувшись в лоскутное одеяло, Бриана. — А это куртка, шерстяная, из моих личных запасов. Очень хорошая. Я её почти не носил. Она мне в плечах узковата, — тут он на минуту умолк, словно побоялся какой-то секрет ненароком выдать. — И капюшон вот еще, шапка, носки, — очень нужные в холода вещи. С ног до головы тебя одену. Я нынче богат и не только о себе могу заботиться...

Бриана молча наблюдала за его манипуляциями, слушала его тихое балагурство.

— Смотри, какое всё красивое: всё одного

цвета. Я знаю: вам, женщинам, это очень важно...

— Ты что со мной сделал? — прохрипела недавняя королева (говорить приходилось через боль в горле).

— Я тебя от смерти спас, — самодовольно улыбнулся Вега, сверкнув зубами (а зубы у него были весьма хороши: крупные, ровные, белые). — Сначала вот Деда подослал, чтоб он кое-что в твою веревку затолкал, — парень кивнул куда-то на окно.

Бриана с трудом повернулась и увидела ворона, который сидел на подоконнике и, казалось, дремал.

— Это Дед, мой дружбан, — представил пернатого Вега. — Ему наверно лет пятьсот, поэтому он очень умный, меня понимает, даже немного говорить умеет. А я вот не знаю, почему он с таким болваном, как я, связался, — парень рассмеялся, громко и искренне, словно ребенок.

Дед открыл один глаз, хрипло каркнул (видимо, рассердился на дружбана Бегу за то, что тот разбудил его своим хохотом) и повернулся к людям спиной.

Бриана терпеливо ждала продолжения рассказа. Вега заметил её красноречивый взгляд и, кашлянув, продолжил:

— Ну вот, затолкал Дед узелок с моим особым варевом в веревку — веревка так и попортилась. Как ты на ней повисла, так она и порвалась, не

выдержала тебя. Ну, я же знаю, что после такого опять вешать не будут — отпустят. И тут уж приготовил порошок для уменьшения...

— Ты кто? Волшебник? — перебила парня Бриана.

— Точно так, — улыбнулся Вега. — Ты разве не знаешь, что наш клан волшебной занимается?

— А... Клан Ночного Ручья, — вспомнила девушка, опуская голову на подушку (жутко захотелось спать).

— Он самый.

— Зачем ты меня спас, Вега?

Тут парень не сразу ответил. И лицо его сильно изменилось. Из простодушно-веселого стало озабоченно-хитрым и потемнело. Хотя, может быть, это оттого произошло, что за окошком потемнело: облако как раз напозло на солнце...

— Спас, потому что захотел спасти. Ты, между прочим, еще меня не поблагодарила. А я тут всю ночь вокруг тебя плясал, спину тебе мазал, водой тебя поил.

— Спасибо, Вега. Я теперь до смерти тебе обязана, — прошептала Бриана, уже наблюдая разноцветные круги и синеватый туман — так к ней вновь начал подкрадываться сон.

— На то и рассчитано, крошка, — хитро улыбнулся чародей, помогая бывшей королевне опустить голову на подушку...

Мед, булочки и молоко — таков был их первый совместный завтрак.

Вега ел быстро и жадно, словно боялся, что сейчас кто-то весьма голодный и злобный забежит в комнату и отберёт у него трапезу. Чародей макал булку в плоску с мёдом, откусывал, жевал и запивал молоком, не обращая внимания на то, что с углов рта капает. Глотал волшебник громко и с заметным усилием.

Бриане это не нравилось. Манеры Веги (точнее — их отсутствие) убивали и без того слабый аппетит.

— Ты чего? Ешь давай. Потом в дорогу двинем — когда ещё поешь, — говорил молодой человек, кивая на тарелки с кушаньем.

— Куда ж мы поедем? — поинтересовалась Бриана, отщипывая румяный кусочек от своей булочки.

— Тебе этого знать необязательно, — хмыкнул чародей. — Я тебя спас — ты теперь мне служить обязана. Будешь меня в пути охранять, куда бы я ни поехал, слушаться меня, как слуга господина слушает. Это понятно?

Девушка скрипнула зубами: Вега всё говорил правильно. По всем законам она теперь попадала чуть ли не в рабство к своему спасителю. Хотя она

знала много историй о том, что человек, спасая другого человека, после благородно отпускал его на все четыре стороны, ничего не требуя за спасение, хотя мог потребовать многого. Но в основном такие истории были про воинов.

Судя по всему, Вега мало заботился о благородстве своих поступков. Впрочем, он ведь не был воином — он был волшебником, а последние славились не столько необычными способностями, сколько хитростью и коварством.

В королевстве Брания воины не любили магов, маги не любили воинов. Точно так же, как крестьяне не любили торговцев, а купцы презирали крестьян. Все старались держаться особняком и друг про друга складывали обидные анекдоты. В общем, потихоньку жизнь бурлила...

— Станным способом ты добыл себе телохранителя, — буркнула Бриана, глядя, как по столу бежит-спешит к тарелке с булочками маленький паучок. — Мог бы просто нанять какого головореза, а не ждать позорной казни королевской дочери.

— Я не собирался заводить себе телохранителя — я всегда сам по себе, — улыбнулся Вега. — Но раз уж я тебя спас, у себя приютил, надо же тебе как-то меня отблагодарить. И не только телохранителем я тебя назначаю. Тебе повезло: я тебя еще в учителя определю. Будешь

меня воинскому делу учить. Я очень желаю освоить искусство бить морды.

— Зачем это чародею? Разве магия — не твоё оружие?

— Магия — это магия. Больно дорого она мне обходиться. Составы, порошки покупать надо, травы, корни, плоды, камушки нужные и прочее — собирать. Потом толочь это всё, смешивать, варить или сушить, заклинания заучивать, да ничего при этом не перепутать. Слишком много возни, чтоб от какого-нибудь бандита с большой дороги отбиться. А воин раз за жизнь себе меч или копьё покупает и машет ими потом направо и налево, от злых людей себя защищая. Ясно?

Бриана кивнула. И подумала: да, чародей и теперь говорил правильно.

— Но скажи, неужели ты всегда меня при себе держать будешь? — спросила девушка. — Разве не могу я как-то выкупить у тебя свою жизнь?

Вега нахмурился, оторвался от поглощения булочек и мёда и погрозил Бриане пальцем:

— Ты ещё ничего полезного для меня не сделала, а уже свалить желаешь. Куда ж ты собралась? Ждёт тебя кто? Разве что стража, чтоб опять на эшафот проводить. Не к виселице, так к плахе. Во всей Брании теперь у тебя друга нет. Не то что друга даже — человека более-менее надёжного. Куда ж ты торопишься?

Бриана ничего не ответила, лишь губы плотнее сомкнула, чтоб не дрогнули, а большим пальцем правой руки безжалостно раздавила паучка.

Вега всё говорил правильно...

— Давай-ка мы на время из тебя парня сделаем, — сказал чародей, вытирая руки полотенцем. — Так будет проще из столицы выехать. Тебя ж ищут, да-а-а. Народ-то на площади до тела твоего не добрался — вот все и обозлились. Теперь даже страже искать тебя не надо — горожане сами взялись тебя найти и королю выдать. Дружины сбили, улицы прочёсывают, по домам шастают. Так что обзову я тебя Тубой, остригу тебе волосы, накидаю на лицо краску особую, и свалим мы из Ситэлана в пять минут, легко и просто.

— Краску? — переспросила Бриана.

— Ага, значит, насчёт волос и нового имени ты не возражаешь? — усмехнулся Вега.

— А не проще ли вновь меня уменьшить? Провёз бы меня в кошельке каком-нибудь туда, куда надо, — пожалала плечами девушка.

— Не проще. Живому существу в уменьшенном состоянии нельзя долго находиться: сердце не выдерживает — помирает живое существо. Я потому тебе так скоренько и вернул прежние размеры, чтоб не хоронить тебя потом в коробке из-под иголок.

— Ты так много знаешь, много можешь. Почему ж ты живёшь в каморе?

— Это неважно, — отмахнулся чародей. — Подставляй щёки — сделаю тебя красивой...

* * *

Краска — да — была особая, волшебная. Вега взял кисточку, обмакнул её в баночку с некой беловатой мазью и нанёс её на щеки и подбородок уже постриженной Брианы. Девушка поморщилась: краска начала щипать кожу, словно крапива.

Вега засмеялся и поднёс Бриане небольшое круглое зеркало. И королевская дочь не без ужаса увидела, как её нежные девичьи щеки покрылись настоящей мужской щетиной.

— Так-то, друг Туба, что бы ты без меня делал? — расхохотался чародей.

— Небо светлое! Это ж не навсегда? — поспешила осведомиться девушка, принимаясь чесать свербящий подбородок.

— Ровно на сутки, — ответил маг. — Так что — поспешим.

Сборы прошли быстро. Судя по всему, Вега сложил все свои пожитки еще вечером, твёрдо решив отбыть из столицы утром. Поклажа, которую он и Бриана вытащили из хижины и взвалили на двух низкорослых лошадок, терпеливо ждущих во

дворике, состояла из двух больших плетеных коробов, набитых нужными для волшбы мелочами, двух вещевых мешков и двух торб с провизией.

— Выбирай себе скакуна, — сказал Вега своей спутнице, а сам пошёл в сторону большого дома, к которому тулилась хижина — на порог как раз вышел хозяин, невысокий худощавый человек лет сорока в длинной потрепанной накидке.

— Что? Уже уезжаешь? — спросил хозяин, с любопытством глядя на лошадей и Бриану, которая уселась на рыжую кобылку.

— Да-да, есть дела на юге, — добродушно улыбаясь, отвечивал Вега, протягивая мужчине большую серебряную монету. — А к лету, возможно, вернусь, привезу тебе и благоверной твоей пару бутылей тамошнего вина...

— А это кто? — хозяин без лишних обиняков ткнул пальцем в Бриану.

— Это я слугу себе взял. Надоело самому с торбами таскаться. Вчера на казни был, домой шёл, а этот парниша за мной увязался. Видать, мой новый плащ его приманил. Подумал он, что я — богатый господин и хорошо буду ему платить, — засмеялся Вега.

— Так вас, стало быть, нынче во времянке двое ночевало, — сказал хозяин, прищурившись на волшебника.

— А-а, вот ты к чему, — чародей

презрительно скривил губы. — Что ж, за этого тощего огрызка дам я тебе два медяка.

— Три, — нахмурился хозяин.

— Два, — улыбнулся Вега. — И вот этот порошок, от жадности, — протянул скопидоме белый мешочек.

— Что за дрянь? — поморщился хозяин.

— Очень полезная! Подсыпай супруге своей каждый день в чай, и будет она меньше есть.

— О! — скряга просиял: такое средство ему понравилось. — По рукам!

Он забрал монеты, мешочек с порошком и, махнув рукой Вега, ушёл в дом, где хозяйка уже брэнчала ухватами и горшками.

— Ну, держись, мироед, будет тебе сюрприз от жёнушки, — захихикал Вега, натягивая капюшон на голову. — Не даст она тебе из дома выйти, желая любви...

Потом волшебник, весьма довольный своею хитростью, пританцовывающей походкой вернулся к лошадям, сел на вороного коника, нагруженного коробами, и весело стукнул его пятками в бока:

— Вперед, Толстяк!

А Бриане сказал:

— Шляпу на глаза натяни. Да не разговаривай ни с кем. Прикинься немым, друг Туба. Так и проскочим мимо стражи. А уж за городскими стенами говори, сколько душа пожелает...

И девушка сделала так, как ей сказал мастер Вега.

Волшебник же подобрал поводья и запел, выезжая на кривую улочку:

Где же ты, местечко красное?

Где перина мне стоговлена?

Где найду тепло и ласку я?

Где не будут гнать убогого?

Бриана вздохнула, покачала головой. По её мнению, теперь Вега совершал ошибку: привлекал к себе лишнее внимание. Но потом, видя, как редкие утром прохожие приветливо и беспечно улыбаются поющему парню, она успокоилась: похоже, этот хитрец знал, что делать.

С неба донеслось пронзительное «ка-ар!»

Подняв голову, королевна увидела большую чёрную птицу — ворон Дед отправлялся в путешествие вместе со своими бескрылыми товарищами...

* * *

Вега привязал лошадей к усыпанной ягодами рябине, раскатал небольшой, изъеденный молью, коврик у костра, который быстро и ловко развела Бриана, и уселся напротив огня, наблюдая за тем,

как бывшая королева, сосредоточенно хмуря брови, прилаживает ломти хлеба на прутики, чтоб поджарить.

— А теперь — рассказывай, — затребовал маг, выуживая из торбы с провизией мешочек с сушёными вишнями.

— Что? — пожалала плечами Бриана, присаживаясь напротив, на корточки.

— О себе. О том, как на виселицу попала, — подмигнул девушке Вега.

— Кто-то убил моего брата. Отравил его. А подумали на меня и на пажей брата. Вот и всё, — хмуро ответила Бриана, глядя на огонь, который алчно пожирал хворост.

— Ну, кто так истории рассказывает? — недовольно протянул чародей. — Ты с самого начала начинай. Про себя, своего отца расскажи. Много ли мы, простые люди, про королевскую семью знаем? Да всего ничего. Как вы там вообще в роскоши своей живёте?

— В роскоши? — удивилась Бриана. — Роскошь — это только по праздникам, или на церемониях всяких, когда мы к людям выходим. А так, какая роскошь? Я вот дружиной командовала, воевать ходила. Защищала крестьян от набегов диких орд с востока. И под открытым небом спать приходилось, как бродяге...

— О-о, — обрадовался Вега, — вот вроде

пошло дело. Давай дальше рассказывай...

— Что же еще рассказывать? — вздохнула девушка (на неё нахлынули воспоминания, от которых делалось больно сердцу). — Нас у отца трое, было. Старшая — Ливана. Ей сейчас двадцать шесть. Она воевала побольше моего: с отцом в походы к Суманским болотам ходила. Сейчас она в западной провинции, в замке Сторп, к замужеству готовится, за глинацийкого эрла собирается. Край Глинация хорош, плодороден. Отец доволен, что к его землям такая земля примкнёт... Я — средняя дочь. У меня плохое происхождение. Моя мать, — тут Бриана запнулась, не решаясь говорить дальше, но потом сказала сама себе «теперь уже всё равно» и продолжила, — моя мать служила при дворе, обычной швейей была. Когда королева — мать Ливаны — болела и не могла принимать короля, король взял мою мать...

— Наверно, она была очень красивая, твоя матушка, — заметил Вега, протягивая Бриане ладонь, полную сушеных вишен. — Раз её сам король отметил. Мог ведь и какую-нибудь из знатных дам осчастливить...

— Наверное, — кивнула Бриана. — Я не помню матери. Она рано умерла... Государь признал меня, внес в свитки, забрал в королевскую семью, приставил ко мне трёх нянек, — девушка улыбнулась, вспомнив трёх румяных барышень,

которые играли с ней в мячи, салки, скакалки, наряжали её в разноцветные платья, убирали ей волосы в причудливые причёски. — Потом государь стал обучать меня воинскому делу. Всем знатным дамам положено узнать секреты фехтования, верховой езды, стрельбы из лука. А королевским дочерям и дочерям лордов полагается еще уметь командовать войсками. Отец всему этому меня учил. И в пятнадцать лет я получила из его рук боевой меч, щит, знамя. И дружину мне собрали...

Она прервала на минуту рассказ, чтоб устроить прутья с ломтиками над углями. Хлеб сразу начал румяниться.

— Ну-ну, дальше говори, — заторопил Бриану волшебник.

— Дальше, — улыбнулась девушка. — Дальше в нашей семье появился Гедеон. Отец светился от радости. Наконец-то у него появился сын! Он хотел, чтоб вместе с ним вся страна праздновала. Так и было...

— Я помню, — кивнул Вега. — По всей стране народ веселился. Пироги со смородиной и медовуху просто так раздавали. А сам я тогда дней пять не просыхал — столько вина перепил... Но потом умерла королева.

— Да. Леди Милен сильно расхворалась после родов и не оправилась. После большой радости

было большое горе. Мы все скорбели. Королева была красива и добра. И ко мне тоже. Она называла меня дочерью и ни разу не попрекнула за происхождение...

— Про её доброту все знают. Про королеву Милен люди даже песни сочинили. Слышала ли?

— Нет.

— Ну, так слушай, — и Вега сделал брови домиком и тихо, печально запел:

Угасли наши звёзды,
Сломались наши крылья,
И вот краса и радость
В могиле...
Глаза навек закрылись,
И руки уж безвольны.
Ах, смерть украла радость.
Ах, больно...

Он пел хорошо, красиво, но Бриане не хотелось скорбеть по давно умершему человеку, пусть даже и была королева Милен ей дорога. Поэтому она прервала волшебника, сказав:

— Да, всем нам тогда было больно. Очень больно. Но есть время для смерти, есть время для скорби, а есть время для радости. Так меня учил отец.

— Он хорошему тебя учил, — улыбнулся

Вега.

— Он тоже сильно горевал, но потом заставил себя вернуться к жизни, ведь с востока опять готовилось вторжение. Нужно было думать о том, как защитить свою землю, свой народ. И вот тогда я пошла с ним в свой первый военный поход...

* * *

Бриана даже губу закусила, чтоб не всхлипнуть, потому что очень ясно вспомнила этот поход. У неё тогда уже была оруженосица — крепкая, широколицая, рыжая и конопатая Аньес. Но отец-король часто делал то, что должна была делать Аньес: проверял подпругу у боевой лошади дочери, точил ей меч. И всё это — с улыбкой в густой бороде. Похоже, ему нравилось заботиться о дочке. Так же, должно быть, он заботился о старшей дочери, так же готовился печься и о сыне.

Его речи, советы, адресованные Бриане, всегда были кратки и точны, но говорил он их особым тоном, теплым и тихим, совершенно не таким, каким общался с другими воинами.

«Ах, что с тобой теперь, отец?» — чуть не простонала Бриана.

Даже после всего, что случилось, она не могла не любить его...

Когда был её первый бой — за Лисий хребет,

отец держался рядом и постоянно прикрывал дочь своим большим щитом от копий и стрел наседавших харов. А они — чернолицые уроды — верещали, как раненые свиньи, и упрямо пёрли на бранийцев, совершенно не боясь ни острых мечей и топоров противника, ни самой смерти...

— Никогда не видел харов, — признался Вега в этом месте рассказа Брианы. — Только в книге о них то-сё читал. Но в книге про харов — только две страницы. Это мало. Расскажи больше.

— Они очень сильные и высокие. Они отрывают головы тем, кто попал к ним в руки, раскалывают черепа и съедают мозги врага, — усмехнулась девушка. — Верят, что так к ним переходит ум врага, его сила, хитрость, знания. Хары не чувствуют боли, когда злятся. Совершенно. Если попадают в плен, то сами себе останавливают сердце...

— О-о, какие монстры, — округлил глаза Вега. — С ними опасно иметь дело. А что им нужно на наших землях?

— Они приходят за людьми. Они не могут без человечины. Особенно — без наших мозгов. Пару раз в году приходят в наши края, за любимой едой, как на рынок, твари. Ну и грабят, конечно. Им всё годиться: скот, оружие, одежда, даже дома по брёвнам растаскивают. Потом убегают в свои пущи, далеко-далеко, в чащобы...

— Почему бы не собрать армию, не пойти в пущу, не перебить этих гадов всех до единого? — предложил Вега.

— Не так всё просто. Армия наша не так велика, чтоб соваться в северные леса. К тому же, армия наша разделена, ведь кроме харов и с других сторон врагов хватает. Отправь всех за харами — кто будет южную провинцию Орно охранять? Князь Ройнар всё ещё предъявляет права на те земли и не раз уже налёты совершал. Сейчас вот только присмирел, потому что отец выбил его из крепости Кап, на другой берег Юлки. А кто поручиться, что он не начнёт вторжения, узнав, что войско наше вместе с королём утопало за Лисий хребет?

— Нда-а, — протянул Вега, почёсывая затылок. — Сложное это дело — страну сохранять.

— Сложное, — согласилась Бриана, протягивая волшебнику один из прутиков с хлебом. — Но мой отец отлично справляется... Жаль, теперь ему одному всё делать придется... Ливана замуж выходит, Гедеон умер, а я... Меня для него, для всей Брании уже нет...

— Одному иногда проще, — сказал вдруг Вега. — Я пока с братом вместе делами занимался, много ошибок понаделал. Брат часто меня подводил: то словом неосторожным, то делом, поперек моего сделанным. А теперь...

— Где ж твой брат?

— Разошлись наши дорожки — и всё тут, — буркнул чародей, вонзая зубы в хлеб.

— Поругались, что ли?

— Это неважно. И тебя не касается, — парень нахмурился, думая о чём-то своём.

— Но я же столько о себе рассказала, а ты? Ты разве ничего мне не расскажешь?

Вега хмыкнул:

— Кто кого спас, тот того и развлекает сказками? По-моему, должно быть наоборот!

— Понятно, — Бриана кивнула, но она была недовольна. — Но ты слишком многого от меня хочешь: и рассказов, и службы и того, чтоб я тебя учила. По-моему, ты тоже должен что-то дать мне.

— Что же? — хитро улыбнулся Вега. — Что тебе от меня понадобилось?

— Для начала — пару слов о себе. Ты обо мне многое знаешь, даже тогда знал, когда я тебя не знала, я ведь не последняя девчонка в стране. А вот я о тебе — о-очень мало. Расскажи о своём клане. Как вам там живётся?

Дед, сидящий на ветке липы над головой чародея, громко каркнул и пару раз стукнул клювом в дерево, словно тоже потребовал рассказа от парня.

— Ишь ты, обложили со всех сторон, — засмеялся молодой человек, укладываясь на бок на

ковре. — Ну, уж нет. Ничего я пока тебе не расскажу, распрекрасная ты моя госпожа...

Глаза Веги горели насмешкою, и это заставило Бриану нахмуриться: не любила она лукавых, не понравилось ей и велеречивое обращение парня.

Чародей заметил и рассмеялся еще громче:

— Я потому не хочу про себя рассказывать, что будет рассказ мой очень уж скучным после твоих историй. О чём мне говорить? О том ли, сколько я горшков в родительском доме поразбивал? Или о том, как ресницы и брови сам себе и брату своему сжёг, колдуя со взрывными порошками? Не стоит время тратить на эти детские байки. Да и спать давно пора, крошка: темно, холодно, а завтра — снова в путь. Надо бы спать и сил набираться, ей-ей...

* * *

Девушку разбудили радостные птичьи трели: какая-то восторженная пичужка не жалела горлышка, приветствуя начало дня.

Бриана полежала минутку, наслаждаясь песнями пернатой крохи и чрезвычайно приятными запахами тронутых росой трав, а потом встала, чтоб полюбоваться розовым востоком и лошадьми, гуляющими по колено в тумане.

Да, росы было много, и это понравилось девушке. Она отошла шагов на двадцать от рябины, под которой располагался их скромный бивуак, скинула с себя одежду и легла на влажную траву, тихо хихикая от щекотки. Потом покатилась по лужайке, освежая себя росой. Такому ритуалу, дарующему здоровье и красоту, Бриана научилась у старшей сестры.

Умывшись и взбодрившись, девушка шустро оделась и вернулась к месту ночёвки, то и дело мотая головой, чтоб стряхнуть влагу с недавно остриженных, взъерошенных волос.

Вега лежал у самого кострища, свернувшись в клубок, замотавшись в плащ, и мирно посапывал, очень походя на ребенка, а не на самостоятельного и вполне искусного чародея.

— Кто же ты такой, Вега? — хмыкнула Бриана, приближаясь к коробам волшебника (девушка еще вчера заметила, что с этой ночью чудодей предпочитает возиться сам, и теперь она желала узнать, что же там такое ценное обретается).

Но тут Бриана попала впросак. Простые шнуры, которыми была завязана крышка короба, совершенно не желали развязываться. Девушка растягивала петли, а они тут же стягивались обратно, причём крепко-крепко, словно говорили: «И думать не смей вновь за нас браться!»

«Зачарованы!» — сообразила раздосадованная

Бриана и не сдержала огорчённого взгласа.

— Да, крошка, и не суйся к ним больше, — строго сказал Вега, поднимая голову с кулака.

Его лицо было сердитым, и Бриану это не удивило. Ей бы тоже не понравилось, если бы кто-то без её ведома стал копаться в её вещах.

— Прости, — сказала девушка, отходя к рябине, под которой они ночевали.

— Вот, значит, как, — буркнул Вега, садясь у кострища и взлохмачивая волосы пальцами. — Кровей мы королевских, но воровать не гнушаемся?

— Не собиралась я воровать, — хмуро отвечала Бриана, прислоняясь спиной к дереву. — Я просто хотела узнать о тебе побольше. Вещи часто говорят о людях больше, чем сами люди говорят о себе.

— Да, конечно, — горько усмехнулся молодой человек. — Что ж тебе надо обо мне знать? Разве мало я рассказал?

— Честно отвечать?

— Конечно! Будешь врать — я замечу!

— Мало. Мало ты рассказал, — тряхнула головой Бриана. — Слишком много непонятного, нелогичного в твоих словах...

— О! О! Минуту! — замахал руками Вега, кривясь так, будто только что кислый-прекислый лимон слопал. — Только не говори мне о логике на пустой живот! Я не умыт, не выбрит, я есть хочу, а

ты тут ко мне с такими претензиями! Так нельзя! Нечестно! У тебя утром одно настроение, у меня — другое, и прескверное. С этим надо считаться! Я, пока не приведу себя утром в порядок, очень плохо соображаю и на доброе общение не настроен. Это понятно?

Теперь усмехнулась и Бриана (её повеселило красноречие волшебника):

— Понятно, мастер Вега. Иди, умойся. Я не против...

* * *

Вега медленно ел яблоко и булку и сердито посматривал на Бриану, которая очень быстро подкрепилась лишь сырым яйцом и ломтем чёрного хлеба и теперь сидела напротив, на своём мешке с вещами, подвернув ноги кренделем, и с улыбкой ожидала того момента, когда чародей прикончит свой завтрак.

Она, похоже, твёрдо настроилась добиться от парня рассказа о нём самом, и эта решимость сквозила и в позе девушки, и в её взгляде, и в улыбке. «Покою я тебе не дам!» — вот что читал погрузневший Вега на лице своей спутницы.

Но волшебник, судя по всему, не был готов к такому напору со стороны спасённой им девицы, и теперь лихорадочно придумывал наиболее

выгодные для себя варианты действий.

Однако, сколько яблоко ни ешь, а оно рано или поздно кончается. Это и случилось с яблоком Веги. Оно и булка закончились, и магу пришлось похлебать из фляжки воды, вытереть губы полотенцем и вздохнуть, глядя на Бриану.

— Итак, — сказала девушка.

— Что? — довольно грубо осведомился мрачный волшебник.

— Куда мы едем, многоумный Вега?

— Тебе не всё ли равно?

— Нет. Я привыкла знать о том, куда топает моя лошадь.

— О-ох. Отвыкай вот теперь.

— Нет, — улыбнулась Бриана, и теперь это была хищная ухмылка.

— Мы едем на юг, — выдохнул Вега, понимая, что так просто королева от него не отстанет, а продолжит мучить расспросами.

— Юг — очень большой. Куда именно мы едем?

— В Парру.

— В Парру? — удивилась Бриана.

— Да-да, в Парру. Там нас ждут одни мои хорошие знакомые. У меня с ними там назначена встреча. Очень важная для меня. А раз ты со мной, то и для тебя тоже.

— Какое-то нехорошее место вы для встречи

выбрали, — заметила Бриана. — Пущу с дурной славой...

— Да неужели же ты лучше мага знаешь, где магам лучше всего встречаться, — хмыкнул Вега и поднялся со своего плаща, чтоб начать собирать вещи.

— Подожди! — спохватилась девушка. — Как же твой рассказ?

— Что? Ещё? — возмутился Вега. — Тебе мало?

— Ты ничего не рассказал о своём клане, хотя я ещё вчера просила.

— Тебе так нужна пустая информация? — хмыкнул волшебник, поддевая мизинцем один из ремней вещевого мешка.

— Она не пустая. Она — о тебе.

— Поверь мне: всё, что говорят о кланах волшебников — пустое. И придумали это пустое сами волшебники, чтоб все вокруг считали их могущественными и загадочными и боялись. Разве не известно, что человек больше всего боится того, чего не знает? Известно! Вот на этом и построена загадочность магических кланов. И мой клан — не исключение. Там всё просто и понятно, на самом деле: все борются за лучшее, хлебное место, по пути убирая конкурентов. Точно так же, как в торговых кланах или в кланах селян. И в ваших воинских кланах всё то же. Куда ни сунься —

всюду мышьяная возня за то, что гроша ломаного не стоит...

— И поэтому ты ушёл из своего клана? — неожиданно спросила Бриана.

Этот вывод она сделала, следя за лицом молодого человека. Оно то бледнело, то вспыхивало, а глаза лихорадочно горели, а губы предательски дрожали. Рассказывая о родном клане, Вега сильно волновался и, похоже, будил свои старые, значительные, обиды.

Но вопрос не застал парня врасплох. Он лишь криво усмехнулся:

— Ушёл? Да, ушёл. Мне не по нраву такие правила. Я хочу жить так, как я сам хочу, а не так, как от меня требуют и ожидают те, кому до меня дела нет, кто меня совсем не знает. Потому я и расстался с братом, хотя нам прочили блестящее будущее среди старейшин клана, и теперь я сам по себе. Впрочем, кому я это говорю? — он засмеялся, глядя на Бриану. — Ты — такая же. Пария, мусор. Только тебе судьба с самого рождения свинью подложила, а я потом сам себе порося выбрал.

— Я не такая! Я никогда не хотела уходить из семьи, никогда не шла против отца и тех, к чьему кругу принадлежала, — возразила Бриана.

— Тебе же хуже, — пожал плечами Вега. — Значит, тяжелее будет наплевательски вспоминать прошлую жизнь. Теперь-то у тебя всё по-новому,

по-другому. Привыкай побыстрее... Я пойду за лошадьми, а ты собери всё в мешки и сумки. Надо бы в путь-дорогу отправляться.

Он махнул рукой пронёсшемуся над рябиной ворону Деду и побежал к лошадам, которые стояли на лугу, пристроив головы друг другу на спины...

* * *

Вега рассказал мало. Но этой малости хватило Бриане, чтоб набросать более-менее разборчивый портрет своего спасителя.

Он родился в клане магов, но отступил от традиций и теперь был на новом пути, хотел быть кем-то другим и, судя по всему, о прошлой своей жизни имел не особо приятные воспоминания.

«Воином стать решил? — думала девушка, поглядывая на парня, который ехал чуть впереди, задумчиво пожевывая травинку. — Он ведь пожелал учиться фехтованию...»

— Ты теперь хочешь быть воином? — спросила она волшебника.

Вопрос Брианы явно отвлек Вегу от каких-то сокровенных мыслей, потому что он не сразу ответил. Даже к девушке не сразу повернулся.

— Воином? Я? Не-ет, — протянул молодой человек. — Я не такой дурак, чтоб за чьи-то

интересы кровь свою проливать. Слишком это больно, неудобно.

— Значит, торговцем? Им хочешь быть?

Вега рассмеялся.

— Ты продолжаешь меня допрашивать, крошка? Почему бы тебе просто не расслабиться и не ехать молча туда, куда еду я?

— Не стоит называть меня крошкой, — мрачно заметила Бриана. — Моё имя ты знаешь, так и зови по имени.

— Раньше ты что-то не возражала...

— Раньше и ты был любезнее. И раньше я считала, что ты мой друг...

— А теперь? — Вега с интересом посмотрел на девушку. — Что-то изменилось?

— Теперь мне кажется, что ты мне не друг. Что я нужна тебе для какого-то дела. А раз ты мне не говоришь, для чего, значит, это дело мне не понравится, — Бриана пошла в открытую схватку.

— О-о, это всё — женская мнительность и подозрительность, — Вега зевнул и махнул рукой. — Ладно. Давай-ка я тебе песенку спою. Чтоб не ехала и не забирала всякой ерунды себе в голову.

Не дожидаясь согласия спутницы, чародей откинулся чуть назад и затыкнул:

Полюбил я девушку, полюбил чернявую,

К ней ходил я вечером под окошко маяться.
Пел я песни тихие, малость заунывные,
Ну а ей, красавице, голос мой не нравится.

Ой, беда-беда-беда,
Что мне делать, братцы?
Ой, куда-куда-куда
Мне с бедой податься?

— Глупая песня, — буркнула Бриана, сердито ударяя свою лошадку пятками в бока — та фыркнула, вскинула голову и в два прыжка обогнала чародейского Толстяка.

— Э-это почему? — осведомился Вега, обрывая куплет (а пел он его, даже глаза закрыв: видимо, наслаждался звуками собственного голоса).

— В ней — про парня, который поет. Я не люблю нытиков.

— Ах, вот как. Ну, да. Ты же другого пошива. Дева-воин, королевская дочка, с младенчества — на дичине и кровяной колбасе, — покивал волшебник. — Слушай, вояка. Я ж совсем забыл! Давай-ка ты меня поучишь тому, что сама умеешь.

— У тебя ж нет никакого оружия, чтоб учиться.

— У меня? — лукаво улыбнулся Вега, становясь похожим на озорного мальчишку. — У меня много чего есть. Даже мечи где-то были

воткнуты...

Бриана чуть было не сказала, что догадывается о месте, которое чрезвычайно подходит для того, чтоб туда воткнули меч, а то и два, но сдержалась, увидав, что Вега спешился и теперь развязывает зачарованные шнуры своего таинственного короба.

«Наконец-то узнаю!» — подумала девушка и даже прищурилась, чтоб не упустить ни одной мелкой детали...

* * *

Бриану ожидало разочарование. Короб раскрылся, как шкаф, и там оказалось много полочек, тоже плетеных из лозы, а на полочках — много берестяных и деревянных коробочек и полотняных мешочков. Наверное, именно поэтому Вега и не стал особо таиться, ведь содержимое коробок и мешочков он не планировал предъявлять девушке.

Он достал лишь одну коробочку, открыл её и извлек круглую, зеленую подушечку для иголок. В ней торчали две иглы весьма странной формы. Присмотревшись, Бриана не без удивления отметила, что это — крохотные мечи.

— Так-то! — довольно хихикнул Вега. — У меня тут много всего.

— Может у тебя и крепость в мешке каком припрятана? И королевство походное, в котором ты по белым дням правишь? — улыбнулась девушка.

— Это уже слишком. Короб такого не выдержит, — подмигнул волшебник. — Теперь смотри!

Он сорвал лист с берёзы, ветки которой нависали сейчас над дорогой, вытянул иглы из подушечки, пристроил их на лист, а потом положил всё это на рыжий, плоский камень, что лежал у обочины. Затем открыл один из своих поясных кожаных кошель (а было их у Веги четыре штуки), достал небольшой глиняный пузырек и плеснул из него чем-то белым на иголки. В воздухе тут же образовалось небольшое молочное облако, запахло чем-то едким, и Бриана пару раз чихнула, потому что у неё в носу невыносимо засвербело. Когда же ветер унёс облако в сторону леса, девушка увидела два темных, явно старинных меча, мирно почивающих на камне.

— Да, ты славный чародей, — Бриана не пожалела доброго слова для парня и ступила к оружию, чтоб взять его и рассмотреть.

— Стой-стой, не трогай! — испуганно вскрикнул Вега, и девушка поспешила отпрыгнуть в сторону, как от кусачей собаки.

— Хе-хе-хе, я сам возьму, — расхохотался чародей и подхватил клинки в руки. — Ну, какой

выбираешь?

Бриана ничего не ответила и цапнула меч, не глядя.

— Не дуйся, крошка. Просто я люблю шутить. А ты не совсем правильно воспринимаешь шутки. Мне кажется: в твоей прошлой жизни рядом с тобой было мало шутников, — Вега опять подмигнул. — Ладно, пошли драться во-он за те кусты. Там нашим занятиям никто не мешает. А то будет идти-ехать какой крестьянин по дороге, так мы его напугаем стальным звоном. Нехорошо людей пугать. Это может обернуться большими неприятностями, крошка.

— Меня зовут Бриана, — напомнила девушка.

— Тебя зовут Туба, — усмехнулся Вега. — Пусть нет уже у тебя щетины на лице, но ты вполне на мужчину похожа. Особенно характером и суровым видом.

— А ты болтлив, как девчонка, — парировала Бриана.

— Я знаю! — молодой человек громко рассмеялся.

Бриана не могла не улыбнуться. Каких-то полчаса назад она решила сама для себя, что Вега — тип весьма и весьма скользкий и с ним надо держать ухо востро, но теперь он почти вернул себе её расположение, своими немудрёными шутками и заразительным смехом.

— Ну, идем, — сказал волшебник и деловито пошагал по желтоватой траве в сторону высоких колючих кустов, в которых пищали о чем-то своём мелкие птахи.

— А не боишься, что лошади сбегут?

— Не боюсь, — отмахнулся Вега. — У них узда особая. Они потому и ночью никуда не сбежали — около нас топтались.

— А не боишься, что я тебя отделаю? — ухмыльнулась Бриана, следуя за парнем и делая взмахи мечом, чтоб приспособить руку к новому оружию.

— Синяки и царапины меня не пугают, — сообщил молодой человек. — Я приготовил свой дух к учёбе, и не боюсь неудачи и боли. Любое учение с них начинается. Это просто надо пережить, и потом получишь подарок — новое умение или знание.

— Мудро, — согласилась девушка.

— Ты очень немногословная барышня, — улыбнулся волшебник и остановился. — Тут будет вполне удобно. Что скажешь?

Бриана просто кивнула.

— Пожалуй, тебе стоит ещё раз поменять имя, — Вега улыбнулся еще шире. — Тиша — как тебе такое прозвание?

— Получше Тубы, — ответила девушка.

— Согласна? Вот и ладушки...

— Сними куртку и пояс с кошельками — они будет мешать, — начала учёбу Бриана. — Теперь смотри: ты неудачно выбрал позицию для поединка, потому что солнце светит тебе в глаза. Это неудобно и может погубить тебя.

— О! Да! Я всё запоминаю! — уверил девушку Вега, бросая куртку под куст. — А теперь я покажу тебе то, что уже умею!

Он сделал пару вполне техничных выпадов, от которых Бриана спаслась быстрыми прыжками назад. Потом внезапно перестроил характер нападения и стал рубить. Сперва его меч пропел у девушки возле левого плеча (Бриана опять ловко уклонилась), а через секунду направился к талии, чтоб прорубиться к печени.

Тут уж королева подняла навстречу свой клинок. Сталь зазвенела, и звук вышел громким и красивым. Это всполошило птах, которые обустроивались в кустарнике, и они шустрой стайкой покинули своё убежище, чтоб искать новое, более спокойное.

— Ну, как я тебе? — поинтересовался Вега, делая шаг назад; его глаза горели самодовольством.

— Неплохо, — кивнула девушка. — Но не славно. Нападать ты вроде умеешь, хоть и коряво. Теперь глянем, как ты обороняешься. Я буду нападать, но не так быстро, как я это обычно делаю. Посмотрим, справишься ли...

Стойка «Гранитный пост».

Бриана решила начать с неё.

Руки чуть разведены в стороны, остриё меча направлено в бок, ноги — на ширине плеч, тело чуть подаётся вперед, голова чуть наклонена вниз, веки полуопущены, но глаза внимательно следят за тем, кто стоит напротив.

Пока расслаблена.

Это всё — на долю секунды. Чтоб забыть обо всём лишнем, чтоб прочувствовать ситуацию и собрать силы для атаки, сконцентрироваться на первом ударе. Когда-то этому Бриану и Ливану обучал отец...

Потом — резкий взмах рукой. И клинок Брианы полетел снизу вверх, по диагонали, чтоб войти Веге в левое подреберье.

Чародей даже взвизгнул от неожиданности, но успел прыгнуть в сторону. А девушка не медлила — повела оружие в обратный ход, уже на правое плечо противника.

Вега опять закричал и поднял свой меч.

Сталь вновь зазвенела. Громко и весело, как и в первый раз.

Королевна зловеще ухмыльнулась, заметив страх в расширившихся зрачках парня. «Тут уж постращаю я тебя, как следует, колдунишка», —

подумала она, повернула рукоять в ладони и резко дёрнула меч на себя. Клинок запел, скользнув по клинку. Вылетели белые искры.

Вега зажмурился, испуганно дёрнулся в сторону.

И теперь Бриана решила использовать ноги: ударила носком по колену противника. Волшебник ахнул и неловко упал на бок, выронил оружие. Такой поворот в поединке был для него совершенной неожиданностью.

А девушка сделала шаг вперёд и замахнулась, чтоб нанести последний удар и раскроить врагу голову.

Так бы она и сделала, если бы бой был настоящим. Но она хотела остановить клинок у самых глаз смешливого волшебника. Чтоб понял, с кем имеет дело...

А Вега был перепуган не на шутку.

Он зажмурился, заорал и поднял вверх правую руку.

Бриана успела ещё заметить, что пальцы парня сложены в странную фигуру. А потом ей в лицо словно ледяной водой плеснули.

Охнув, девушка выронила меч, закрылась руками, прыгнула в сторону, споткнулась обо что-то и упала на колени.

Сперва она ничего не видела и не слышала, только одно понимала: Вега, струхнувши,

использовал против неё магию.

Было больно шевелить веками и глазами. Губ и носа Бриана вообще не чувствовала: они будто отморозились.

Она похлопала сама себя по щекам, и к лицу вернулась боль: запекло, как от ожога и, похоже, всё стало распухать.

— А-ах ты, гадёныш! — зло выкрикнула девушка, ударяя кулаком по земле.

Именно сейчас ей очень хотелось забыть про то, что она обязана жизнью Веге, и заехать подлому волшебнику в ухо или нос.

Постепенно вернулись звуки: где-то позади зашумела от налетевшего ветра пуща, а над головой закаркал Дед.

— Где ты, Вега?! — возопила Бриана, вновь ударяя кулаком по земле. — Где, гадёныш?!

Её бесило то, что сейчас, может быть, он стоит где-то поблизости и хихикает, глядя, как она ползает по траве, словно слепой котёнок.

Потом она замерла, потому что услышала странный звук: кто-то хрипел и сипел.

Тут, очень вовремя, и зрение стало возвращаться к Бриане. Сперва появились размытые алые и зеленые пятна, а потом уже и траву можно было рассмотреть и крупного чёрного жука, копошившегося в ней. Только боль не проходила: щеки, нос, лоб — всё горело и пекло.

Бриана встала на ноги, осмотрелась.

Вега не стоял и не хихикал. Он лежал на траве, навзничь, запрокинув голову, руки прижимал к груди и хрипел так, будто его придушили.

— Это что еще? Что за цирк? — хмыкнула Бриана, подходя к волшебнику.

Его лицо было серым и перекошенным, как от сильной боли, приоткрытые губы — почти чёрными, глаза закатились. Похоже, он не притворялся.

Бриана забыла о злости и своём горящем лице. Она опустилась на колени рядом с Вегой, приподняла ему голову. От этого волшебник задышал ровнее.

— Что это с тобой? — спросила девушка, когда парень разлепил веки и глянул на неё.

— Се-ердце, — просипел Вега...

* * *

Дед вновь закаркал.

Бриана обернулась: ворон сидел на одной из поясных сумок Веги и долбил клювом в пряжку.

Волшебник тоже скосил глаза на птицу и слабо улыбнулся:

— Дед умный... Там мои пилюли... они помогут.

— Что ж, давай, показывай, что за пилюли, —

сказала Бриана, подтаскивая торбы к парню.

Она устроила больного удобнее на траве, подсунув под голову его же куртку, и стала потрошить сумку, которую клевал Дед, и показывать каждый вытащенный предмет чародею. Ворон был поблизости, возбуждённо прыгая по траве туда-сюда. На одну из бронзовых коробочек Вега сказал «эта», и Бриана вытащила из неё пару серых пилюль.

— Одну, — еле слышно прошептал молодой человек.

Королевна дунула на пилюлю, прогоняя пылинку, и сунула лекарство в рот чародею. Вега проглотил, закрыл глаза и затих, прижав левую ладонь к груди.

Бриана растерялась. Ей тут же пришла шальная мысль, что Вега по какой-то там причине взял и отравился. Но потом она увидела, что лицо парня посветлело, а складки на лбу и у рта разгладились, и поняла: лекарство начало действовать. А затем бледный, как полотно, волшебник и глаза свои открыл.

— Живой? — улыбнулась Бриана.

Вега молча кивнул, потом прошептал одно слово. Так тихо, что девушка лишь по движению его губ догадалась, что это слово «спасибо».

— Пожалуйста, — сказала она. — И часто с тобой такое случается?

Вега вздохнул и отвернулся.

Бриана тоже вздохнула, сообразив, что сейчас парня лучше не пытаться, и пошла к дороге — отвести на обочину лошадей, которым вздумалось стать поперёк пути.

Когда она пристроила коней у большого корявого вяза и вернулась к Веге, тот уже сидел на траве и жадно пил воду из фляжки.

Бриана опять улыбнулась, подобрала мечи, которые валялись в траве, как что-то ненужное, и села напротив молодого человека, с нескрываемым интересом глядя на него.

Вега был бледен и мрачен, как снежная туча. Хотя, кто другой мог бы вести себя иначе после того, что произошло?

— Мне кажется: ты забыл мне кое-что о себе рассказать, — заметила девушка, подмигивая парню.

— Надо ли? — буркнул волшебник, вновь потирая грудь.

— Конечно надо! Я ведь теперь всегда при тебе буду. Надо же мне знать, что делать, если с тобой опять произойдёт что-то подобное. Не всегда же Деда слушать. А вдруг он куда-нибудь улетит? Или сдохнет? Да и ты не всегда сможешь мне подсказать...

— Ладно-ладно. У меня бывают сбои в сердце, — зло и быстро заговорил Вега, глядя

куда-то в сторону. — Не знаю, что там и как, но я не могу пользоваться магией так, как другие волшебники. Ты видела, что случилось. Я использовал боевую магию — ледяную волну, чтоб защититься, и сердце моё не выдержало — заболело... А оно, если болит, то очень сильно. И тело сразу перестаёт слушаться. И кажется, что умираешь, — он вздохнул, потом сердито плюнул в сторону и опять присосался к фляжке.

— И давно это с тобой? — поинтересовалась Бриана, с удивлением замечая, что ногти на пальцах молодого человека были теперь голубого цвета.

— С детства. Это на первых занятиях боевой магии обнаружилось. Мне десять лет было. Тогда же отец сделал мне эти пилюли, передал потом мне их рецепт, научил их катать. Но они лишь помогают, когда сбой, но не вылечивают... Боевая магия очень много сил у человека отбирает. Поэтому тот, кто её практикует, должен быть абсолютно здоров...

— Так вот почему ты ушёл из своего клана...

— Ушёл! Да! Потому что я не такой, как они все! — выпалил парень, вскакивая на ноги. — Ничего приятного нет в том, чтоб видеть, что на тебя все смотрят, как на калеку!

Он опять был не бледен, а сер, и заметно пошатывался, и Бриана тоже встала, чтоб похлопать его по плечу и мягко сказать: «Успокойся и

присядь. Тебе нужен покой».

— Вот! Вот! Ты себя ведёшь, как они! — выкрикнул Вега, шарахаясь от девушки. — Не смей так себя вести! Я ведь могу тебя снова магией свалить, уже помощнее. И ты умрёшь, а мне всего лишь будет плохо какое-то время...

— Пугать меня не стоит, — покачала головой Бриана. — А стоит сесть на лошадь и добраться до какой-нибудь харчевни. Мне кажется, ты слаб ещё и потому, что мы нормально не позавтракали. Я сама здорово устала.

Вега молчал, хмурия свои каштановые брови, и смотрел в сторону — на кивающие ветру травинки. Потом поднял взгляд на Бриану и сказал:

— Хорошо. Наверное, ты права. Я давно мяса не ел. Наверное, поэтому раскис. Человеку нужно мясо, чтоб твёрдо на земле держаться. И я знаю, где мы его возьмём! — он щёлкнул пальцами и пошёл к лошадям.

Бриана подхватила мечи и куртки и поспешила за волшебником, а тот рассказывал:

— За вон тем поворотом — спуск с холма. И где-то внизу будет деревенька Латка. Там есть харчевня. И жареные курки должны быть. Там мы и пообедаем. Но для начала тебе опять придётся стать парнем. Готовь щеки, Тиша...

Харчевня называлась аппетитно и поэтично «Поросёнок Буль». Её хозяин назывался Раф. В его владениях приятно пахло укропом и жареными курами, но сам Раф не производил впечатления человека, у которого всегда вдоволь пропитания. Он был невысоким, тощим, морщинистым и рябым мужичком лет пятидесяти. От него сильно пахло сливовицей, и Бриана подумала, что, возможно, Раф только сливовицей и питается.

Судя по тому, как шустро хозяин покинул своё место за стойкой и сам, не дёргая слугу-мальчишку, направился встречать гостей — Вегу и Бриану — он хорошо знал волшебника и — с неплохого бока.

— Вы надолго к нам, мастер Вега? — поинтересовался Раф, с любопытством глядя на спутника чародея (для хозяина харчевни Бриана сейчас была парнем благодаря рыжеватой щетине на щёках и подбородке).

— Ровно столько, сколько надо, чтоб как следует обглодать двух жирных пташек, — оповестил Вега, проходя к стойке.

Хозяин тем временем кликнул мальчишку.

— Возьми поклажу наших гостей, потом глянь, чтоб Кил занялся их лошадьми. Живо шевелись.

Глазастый мальчуган лет тринадцати кивнул

лохматой головой, подхватил сумки Веги и Брианы, отнёс их к свободному столу у окна, а потом выскочил во двор — инспектировать работу конюха.

Волшебник и королева опустились на лавки. Бриана не могла не улыбнуться, посмотрев на вышивку на занавесках окна: там были ёлочки, петушки и козочки. По-деревенски просто и уютно...

— Двух кур, — повторил хозяин, улыбаясь так дружелюбно, как ему позволял перекошенный из-за отсутствия нескольких зубов рот. — Ещё чего желаете?

Вега оторвался от наблюдения за дальним столиком, за которым хрустели луковыми перьями и куриными костями единственные кроме него и Брианы посетители «Поросёнка Буля», и проямлил:

— Овощей тушеных, если есть, и пивка.

— Да, пивка, — стараясь делать голос хриплым и грубым, сказала Бриана.

— Сейчас, сейчас, — покивал лысой головой Раф. — Всё будет. Пойду, потороплю свою старуху.

Он удалился, всё улыбаясь, а Вега перегнулся к девушке через стол и прошептал:

— За тем столом воины. Она как их кольчуги поблёскивают. Боюсь, эти парни тут не просто так.

— Думаешь? — нахмурилась Бриана, скосив

глаза на дальний стол.

— Да. В столице, небось, всё вверх дном перевернули, чтоб тебя найти, а как не нашли, так и за окрестности принялись.

— На них нет знаков королевского клана...

— Может быть, они не стали себя обозначать, чтоб не спугнуть того, кого ищут, — пожал плечами Вега.

— Что ж нам делать?

— Есть быстрее и ехать дальше, — тряхнул головой чародей. — Очень не вовремя я ослаб. Надо было по глухой дороге ехать, через пушу, не сворачивать к деревне...

— Мы уже здесь. Не стоит теперь бурчать, — ответила Бриана и взялась за кружку с пивом, которую в этот миг перед ней поставил хозяин.

Вега чуть слышно скрипнул зубами, а потом улыбнулся Рафу, который стоял рядом, явно желая продолжить общение.

— Скажи-ка, друг, как там твоя дочка поживает? — спросил чародей у хозяина.

— Отлично поживает. Спасибо, что спросили, мастер. После ваших капель стала она спокойнее и милее, — пустился в рассказы Раф, присаживаясь на лавку, напротив Веги и, так получилось, рядом с Брианой. — И замуж вышла вскорости. Её сын мельника в Нижние Гряды увёз. Он там дом хороший построил. Сейчас моя Лебуса ребёнка

ждёт. Стал быть, дедом я скоро буду. А болезнь к ней больше не возвращается. Вот как всё хорошо, мастер Вега, — Раф покивал, широко улыбаясь, и добавил шепотом. — Так что платы я с вас сегодня не возьму.

Вега от такого признания не мог не просиять лицом.

Тут и он, и Бриана, и сам хозяин подпрыгнули от резкого звука — за дальним столом громыхнул табурет. Это один из воинов поднялся и направился к новым посетителям:

— Эй, хозяин, не рассиживайся тут — принеси-ка моим товарищам пива и колбас свиных пожирнее.

Раф со скоростью десятилетнего пострела покинул лавку и, блеснув испуганным взглядом в сторону Веги и Брианы, скрылся за своей стойкой и тут же зазвякал там, то ли мисками, то ли кружками...

Мужчина, шагнувший к столику волшебника и королевы, и в самом деле пугал. Он был невысок, но чрезвычайно широк и объёмен и напоминал приземистый шкаф (такие крестьяне сами себе долбят из толстых сосновых или дубовых стволов). Лицо подошедшего красноречиво говорило: немало я битв повидало. Несколько шрамов, темных и глубоких, безобразили лоб и щеки этого человека, вместо левого уха торчал

багровый обрубок, а нос был свёрнут и сплюснут. Могучие руки мужчины, загорелые и обнаженные до плеч, несмотря на прохладное время года, также имели много заметок о боевом прошлом своего хозяина: рубцы разных форм и размеров покрывали предплечья, часто скрещиваясь. Впрочем, Бриана сделала и свои выводы из того, что увидела: воин, похоже, имел большую охоту до драк, но вот искусством воинским не отличался, да и любовью удачи не пользовался, если столько заметок на тело заработал.

Мужчина, тем временем, весьма дружелюбным басом обратился к Веге:

— Доброго вам дня.

Бриана только теперь заметила, что её спутник здорово струхнул: сжался в комок и заметно побелел.

«Только б в обморок не бухнулся, слабачёк», — подумала она и незаметно подмигнула чародею.

Вега моргнул, словно ответил Бриане, и сипло проямлил, переведя взгляд на подошедшего:

— И вам доброго дня, — и робко улыбнулся.

Воин осклабился в ответ, демонстрируя крупные белые клыки и полное отсутствие верхних резцов, и сел на место Рафа, возле Брианы. Вега же побелел еще больше.

Девушка не могла не поморщиться (но так,

чтоб никто этого не заметил): от соседа пахло не особо приятно.

— Вы ж вроде как лекарь, да? — поинтересовался воин, пристально глядя своими пронзительными серыми глазами на пригорюнившегося Вегу.

— Д-да, — кивнул молодой человек, делая страдальческое лицо и подтягивая к себе кружку с пивом (рука парня при этом заметно дрожала).

«Наш трусишка совсем не владеет собой», — отметила Бриана.

— И вроде как неплохой лекарь? — продолжил воин, почёсывая правую бровь своим толстым указательным пальцем.

— Н-ну, д-да, — опять кивнул Вега. — Болезни разные лечу. А что?

— Это хорошо, — воин снова широко улыбнулся. — У моего приятеля рана старая открылась. Ехать он дальше не может, а ехать нам надо. Так что, будь добр, полечи его. А мы не обидим, заплатим, сколько скажешь.

Вега на минуту задумался, поглядывая то на воина, то на Бриану. Девушка же кивнула своему спутнику, будто дала разрешение на заключение выгодной сделки.

— Что ж, — пожал плечами Вега (страх уже прошёл, поскольку разговор коснулся темы денег, и это его радовало). — Я вроде как нынче никуда не

тороплюсь. Так что посмотрю вашего приятеля. Но только после обеда, да, — и радостно улыбнулся блюду с ароматной, румяной куриной грудкой, которое поставил перед ним трактирщик...

* * *

После трапезы покрытый шрамами парень провёл Вегу и Бриану в одну из комнат для постояльцев. Там, на узкой и низкой кровати, состоящей из деревянной рамы и кожаных ремней, они нашли хворающего. Это был щуплый молодой человек лет двадцати, белобрысый, с большими, круглыми, покрасневшими глазами (видимо, последнее время он плохо спал). Бедняга сморщился от боли, когда Вега убрал с его голени повязку и кончиком указательного пальца прощупал синюшные края большой, мокнущей и дурно пахнувшей язвы.

Бриана и бровью не повела: за свою короткую, но полную битв, жизнь она видела ранения и пострашнее.

— Как давно рану получили? — деловито спросил волшебник, принимаясь копошиться в кожаной сумке с лекарским скарбом, которую он захватил с собой.

— Год назад. С лошади упал, на корягу напоролся, — вздохнул больной, с любопытством

вытягивая шею, чтоб увидеть, что заблестело в руках Веги.

Блестел небольшой тонкий ножик.

— Я срежу почерневшую кожу и мясо, совсем немного, — пустился в объяснения чародей, зажигая свечу на столике и прокаливая лезвие ножа в пламени. — Потом положу на рану тампон с бальзамом и забинтую. Будет болеть, пройдёт через пару дней. И заживать начнёт быстро. Только надо бы поменьше двигаться.

— А ехать можно? — спросил зашрамированный воин. — Верхом? В повозке?

— Да ни в коем случае! Никакой тряски! — возмутился волшебник, хмурия брови. — Я приятеля вашего зачиню, а вы, что же, потом мою работу портить будете?! Если язва опять откроется, то через неделю ваш друг будет прощаться с ногой! Или даже с жизнью! Такие раны — это вам не шуточки!

Воины, стоявшие у кровати, на которой лежал их больной товарищ, заметно приуныли.

— Но нам ведь нужно ехать, — пробурчал зашрамированный.

Вега пропустил мимо ушей эту реплику и с важным видом продолжил:

— К тому ж, больному нужен уход. Я оставлю бальзам и травы. Надо будет каждый день менять повязки, давать больному травяной настой. Кто возьмётся? Кого обучить?

— Меня обучите, — вперёд выступил кудрявый и конопатый юноша в заношенной куртке не по росту; до сего момента он сидел в тёмном углу на низком табурете и чинил что-то из одежды. — Я — слуга его милости.

Вега приподнял одну бровь, услышав такое обращение. Получалось: белобрысый парень — не простая птица, хоть и простенько одет. Возможно, он и его спутники были не теми, за кого поначалу их принял Вега.

— Ладно, — кивнул волшебник пареньку.

— Теперь выпейте это, ваша милость, — ласково улыбаясь, Вега поднёс больному пузырьёк с усыпляющим мёдом.

Молодой человек послушно выпил и тоже улыбнулся, потому как ожидал получить что-то противное на вкус, а отведал приятное лакомство. Через минуту он зевнул один раз, потом — второй, потёр глаза кулаком и расслабился на своей тощей подушке — уснул.

— Отлично, — потрянул головой Вега. — Начнём, — и повернулся к ноге больного, чтоб начать удаление негодных тканей.

Подрезая края раны и выколупывая оттуда гной, он принялся расспрашивать воина, стоявшего рядом и без отрыва следившего за манипуляциями врачующего:

— А куда вы так торопитесь, что здоровьем

господина не боитесь рисковать?

— В Ситэлан, — не стал скрывать воин. — Нас барон Делм к себе вызвал.

— А, вы из его клана, — догадался Вега, берясь баночку с бальзамом. — Что, барон решил пополнить свою дружину свежими силами?

— Точно так, господин лекарь, точно так, — кивнул воин. — Осенью наш барон всегда новых воинов подбирает. Этой зимой наш молодой господин справил совершеннолетие и теперь собирается показать барону, как он с мечом управляется.

— С такой-то ногой ваш господин может плохо выступить, — заметил Вега. — Так что придётся вам тут задержаться, чтоб зажила, как следует, его рана.

— Что ж, видно, придётся...

— А что ещё интересного в столице слышно? — спросил Вега, умащая бальзамом льняную тряпочку.

— А вы, что же, последних новостей не знаете? — не скрыл удивления воин, посмотрев на бывшую королеву, а потом вновь — на волшебника. — Королева Бриана и два королевских пажа покусились на жизнь нашего наследника. Уморили его милость отравленной трапезой, сволочи, — при этих словах лицо мужчины потемнело, стало ещё страшнее, потому

что отчего-то все шрамы на нём стали вдруг глубже и краснее.

Вега замер на минуту, делая вид, что ошарашен речами воина. А тот продолжал, не скрывая своей ненависти к тем, про кого рассказывал:

— Государь наш приказал казнить ублюдков. Позорно — через повешение. Но в петлю не все попали. У Брианы верёвка сперва порвалась, а потом сама мерзавка исчезла прямо с эшафота...

— Как так? — «удивился» Вега, прикладывая тампон к ране больного.

— Говорят: кто-то волшебку навёл. Теперь вот ищут. Её и того, кто помог этой сволочи. Наверно, все кланы магов перетряхнут.

Вега усмехнулся той нехорошей кривоватой ухмылкой, которая уже один раз не понравилась Бриане:

— Вот и правильно! Им это не помешает! Слышал я, что они стали очень уж часто с княжеством Свонси общаться. Голубей почтовых туда-сюда гоняют. Как бы не задумали чего против нашего государя и нашего края...

* * *

— Зачем ты на клан свой наговаривал? — не без удивления спросила Бриана у волшебника,

когда утром они покидали трактир, направляя своих неказистых лошадок на широкую южную дорогу, обрамлённую высокими туями.

Вега покачал головой, словно посетовал на несообразительность спутницы:

— Этот страшный парень всё расскажет своему господину. Тот расскажет барону Делму. Барон — королю, твоему батюшке. И вместо того, чтоб проверять юг, королевские солдаты отправятся на север, чтоб прошерстить тамошние поселения. А мы как раз отсидимся на юге... Ты же изучала всякие военные хитрости. Неужели так сложно было самой догадаться, для чего я это делаю?

— Ты подставляешь свой клан, — нахмурилась Бриана.

— Что с того? — Вега пожал плечами, выудил из кармана крупную изюмину и забросил её себе в рот. — Никто от этого не умрёт. Потерпят пару обысков, допросов — и всё... И вообще, у меня с моим кланом уже нет ничего общего...

— Но ты до сих пор называешь его «мой клан», — заметила девушка.

— Зануда ты, Тиша, — буркнул волшебник и взял ещё изюму. — Лучше бы поблагодарила меня за то, что я для тебя же стараюсь. Я же из-за тебя хитрил...

— Я не просила...

— Ха. Но ведь я тебя спас, там, в Ситэлане,

хотя ты тоже меня не просила. Знаешь, я иногда поступаю так, как сам считаю нужным, не ожидая просьб или советов, — довольно резким тоном проговорил Вега.

Бриана смолчала, оборотившись на запад. Оттуда наползала серо-зелёная ненастная туча, обещающая ледяную крупу. Девушка поймала себя на том, что опять засомневалась в хороших качествах Веги. Он мог быть вероломным — на поверку так выходило.

— Что мы будем делать на юге? — вздохнув, спросила девушка. — Я думала: ты pomoжешь мне найти убийцу брата...

Вега вспыхнул лицом, засверкал глазами, словно возмутился чему-то, и выпалил:

— Об этом и не думай! Это дело опасное! Я своей шкурой рисковать не хочу! Я уже и так здорово с тобой подставился!

— Почему же? Это — мой шанс вернуться к отцу, туда, где моё место, где я хочу быть... И ты бы в накладе не остался. Король отблагодарил бы тебя по-королевски...

— Ха. Оно мне надо? Оно мне не надо, — фыркнул Вега, натягивая капюшон на голову. — У меня сейчас есть всё, что мне нужно: добрый конь, вкусная еда в сумках, хорошая одежда, бывшая королева в спутниках. И сейчас я еду туда, куда хочу: в мой маленький уютный домик на юге. И там

ты будешь обучать меня воинскому делу...

— А потом? — поинтересовалась заметно погрустневшая Бриана.

— Потом мы найдём, чем заняться, — расхохотался Вега. — Давай пока лошадок поторопим. Мне эта тучка не нравится. Чую: принесёт она мало приятную погоду на наши головы. Так что, шпорь свою красотку, догоняй меня...

Ворон Дед закаркал сверху. Подняв голову, Бриана увидела, что он сделал круг над дорогой и полетел куда-то за лес. Видимо, тоже отправился искать прибежище...

* * *

Следующую остановку Вега и Бриана сделали в Светлом лесу. Назывался он так из-за почти белых стволов вековых сосен, которые здесь царствовали. Но из-за испорченной погоды и быстро сгустившихся сумерек лес этот был в данный момент ничуть не светлым.

Волшебник объяснил Бриане, что хочет заночевать на хуторе, который, по его словам, находится в лесу, но проплутав около часа среди сосен и мелкого ельника, они не нашли никакого жилья. С неба уже давно шел дождь вперемешку со снегом, ветер дул сильно и неласково, грозя

погасить факелы, которыми путники подсвечивали себе дорогу, лошади очень быстро выбились из сил, и Бриана решила взять всё в свои руки. Спешилась и крикнула съёжившемуся в седле чародею:

— Всё! Приехали! Слезай!

Вега послушно сполз с коня под ближайшую ёлку. Выглядел маг нездорово: трясся и зубами стучал от холода.

— Раз хутора нет, будем искать прибежище тут. Или делать! — заявила девушка, разгоняя мрак своим факелом.

Вега, похоже, смирился с тем, что на данном этапе путешествия в их маленьком отряде командует Бриана, и согласно затряс головой.

Через минут десять, проверяя окрестности, королева нашла вполне приличное убежище под огромным старым деревом, которое было вывернуто с корнями и напоминало гигантского паука, готового нападать. Путники привязали лошадей к одному из корней упавшего великана и начали обустриваться сами.

Находка прибежища ободрила Вегу, и он, ловко используя небольшой топорик, быстро соорудил косою навес из стволов молодых осин, елового лапника и мха. Затем маг развел костёр, высыпав горсть жёлтого порошку на кучу сырого хвороста, который притащила Бриана, и приволок из соседнего овражка бревно. Затянув его под навес

и накрыв одним из одеял, он, таким образом, создал нечто вроде мягкой скамьи.

— Вполне уютно, — улыbnулась Бриана, осматривая бивуак. — Ты умелый парень.

На этот раз Вега ничего не ответил. Он лишь чихнул пару раз и начал ладить над огнём котелок с водой.

— Что будем варить? — поинтересовалась девушка.

— То, что вылечит меня от простуды, — буркнул волшебник и тут же закашлялся.

— О! Ты простудился? — встревожилась Бриана.

— С утра ещё горло болит и в ушах колет, — признался Вега. — Пиво у Рафа было слишком холодным, да и погода не способствует здоровью...

— Что ж ты молчал? Давай я похлопочу, — девушка ступила к котелку.

Волшебник отстранил спутницу и буркнул:

— Лучше хлеб нарежь и намажь ломти маслом. А я сам себе лекарство сделаю. В этом деле мне помощники не нужны.

— Как пожелаешь, — пожала плечами Бриана и занялась припасами.

Хозяин «Поросёнка Буля» не поскупился, набивая провизией сумки отбывающих гостей. Кроме душистого каравая и свежего масла, Бриана достала пучок тонких колбасных палочек и кулёк с

копчёными яйцами, а в сумках ничуть не ubyло.

Взявши нож, девушка отхватила сразу полкаравая, потом разрешила его на ломти, уложила на блюдо и потянулась к маслу, но странные звуки и чудесный аромат, перебивающих аппетитные запахи хлеба и колбас, заставили её отвлечься от кулинарных дел и поворотиться к весело потрескивающему костру.

Чародей Вега нависал над котелком, словно коршун над поверженным зайцем, и сосредоточенно хмуря брови, помешивал готовящееся варево длинной серебряной ложкой.

Пляшущее под котелком пламя освещало бледное лицо волшебника, покрытое бисеринками пота, и отражалось в его глазах, которые теперь то ли были, то ли казались невероятно огромными и тёмными.

Варево шипело, как рассерженный кот, и то и дело извергало из себя крохотные зеленоватые тучки, которые и сообщали всему вокруг чрезвычайно приятный аромат.

Бриана открыла рот, чтоб сказать восхищённое «ух ты!» или что-то подобное, но Вега предупредил её порыв — поднял вверх руку с оттопыренным в сторону бывшей королевы указательным пальцем, и девушка сообразила: сейчас необходимо сохранять тишину.

Чародей вытащил из левого поясного кошелья

некую мелочь (прищурившись, Бриана успела рассмотреть какое-то шипастое семечко) и бросил её в котелок. Зелье ответило очередным «пс-шшшш!» и неожиданно успокоилось. Через минуту Вега снял котелок с огня и пристроил его на скамью-бревно, и вздохнул:

— Готово.

Бриана улыбнулась и, наконец, выразила свои чувства:

— Здорово! Никогда не видела, как колдуют. Это было красиво.

— Это — ерунда, — заскромничал Вега, поднося к губам ложку с варевом, чтоб проверить — горячо или нет. — Это обычный задел лекарства. Настоящее колдовство — это когда готовят более серьёзное зелье. Например, такое, чтоб камни огромные в песок обращать, или чтоб у целой рощи корни высушить. Так новые места под пашни расчищают...

— И ты всё это можешь? — спросила Бриана.

— Могу, — тряхнул головой волшебник. — Но для этого много компонентов надо, и непростых: за некоторые золотой монетой на ночном рынке платить надо. Сейчас у меня не из чего такое зелье варить. А рецепт я знаю, — и он самодовольно улыбнулся, а затем почти сразу же сморщился, как от сильной боли. — Вот же наказание! В горло будто ножом ткнули.

— Пей своё лекарство скорее, — сказала Бриана. — А то, что я с тобой, больным, делать буду? Нянька из меня плохая — ты это учти.

— Мне не нужна нянька, — буркнул Вега. — Не первый раз сам себя выручаю, — и стал пить прямо из котелка, теперь уже морщась из-за того, что варево было горячим и горьким.

— Дети реже болеют, — покачала головой девушка, возвращаясь к хлебу и маслу.

Последние слова она проговорила тихо, сама для себя, и волшебник их не услышал. Он допил зелье, закусил его любимым изюмом, закутался плотнее в одеяло и позвал Бриану:

— Ужин можно подавать!..

Хоть девушке и не понравилась ни фраза, ни капризные нотки в голосе молодого человека, она послушно подняла тарелки с разложенными кушаньями и примостила их перед раздумывавшимся чародеем на корягу, которая нынче вечером именовалась столом для путников...

* * *

Бриане не спалось.

Ей ужасно не нравилась такая ночёвка: в лесу, который трещит и стонет от порывов северного ветра, под дрожащим и скрипящим навесом, под вой бегущих где-то волков. Один бок девушки

мёрз, во второй, обращённый к кострищу, припекало.

Даже в походах Бриане было комфортнее: плотный двойной шатёр, жаровни с углями для обогрева, кровать-раскладушка, меховые одеяла, и — главное — множество людей, которые охраняли её сон. Оруженосица Аньес — на соседней кровати, солдаты с копьями и мечами — у палатки.

«Да. Ты уже не королева, привыкай», — говорила сама себе Бриана.

Но мысли до сих пор возвращали её в прошлое. Особенно в те моменты, когда она оставалась один на один сама с собой. Вот как сейчас — под скрипящим навесом, в негостеприимном, полном опасности, ночном лесу.

Закрыв глаза, Бриана вновь видела отца: он стоял с ней рядом и показывал, как накладывать стрелу на тетиву, объяснял, как держать при этом пальцы. Ей нравилось проводить время с отцом, нравилась его манера говорить, сам звук его голоса, низкий и глубокий, казался ей лучшим в мире. Наверное, поэтому Бриане полюбился Виллем из Клана Белого Копья — у этого рыжего парня был похожий голос...

Она видела и Гедеона: мальчик рубился на деревянных мечах со своим пажом, лихо нападал и ловко отражал удары. Его лицо румянилось, светлые волосы были растрепаны, глаза горели, как

капли росы от лучей встающего солнца. Он обещал вырасти в красивого мужчину и стать отличным воином, достойным наследником своего отца...

Он провёл довольно сложный приём и достал мечом колено противника, сбил его, тем самым, с ног и радостно замахал своим детским оружием, закричал Бриана:

— Смотри, сестра! Смотри! Я освоил этот выпад! А ты говорила: у меня не получится...

Бриана тогда смеялась и хлопала в ладоши, приветствуя успех брата...

К горлу внезапно подступило рыдание, глаза наполнились слезами.

Бриана рванулась вперед, села, отбросив в сторону укрывающий её плащ, запустила пальцы в свои коротко остриженные волосы, застонала.

Воспоминания о тех прекрасных днях, когда у неё была семья, когда её любили и ценили, принесли сильнейшую боль голове и сердцу девушки.

Теперь перед глазами белело мертвое лицо Гедеона, с почерневшими жилками на висках, с полумесяцами темноты под навечно закрывшимися глазами.

«Сестра, сестра, — шептал мальчик ей в уши, — отыщи его, отомсти за меня...»

— Братец, братец, — простонала Бриана, сжимая болящую голову руками.

Она почти с ненавистью посмотрела на Вегу, который тихо и мирно спал с другой стороны от кострища.

«Из-за него не могу делать то, что должно! Из-за него! Сбежать? Бросить его здесь?» — мелькнули новые мысли.

Бриана даже руку к сумке с провизией протянула — так ей понравилась новая идея.

Где-то рядом опять завыли волки.

Вега дёрнулся, открыл глаза, моргнул пару раз, отгоняя от себя остатки сна, и вопросительно уставился на Бриану.

— Волки, — буркнула девушка.

— А, — махнул рукой волшебник. — Их ты не бойся. Я вокруг нашего навеса шнур особый положил. Если звери близко подойдут и начнут его нюхать, а они начнут, потому что шнур здорово пахнет, то он пыхнет и зверей напугает. Это я сам придумал! — и Вега, не подозревая о том, что сейчас происходит с мыслями его спутницы, зевнул и повернулся на другой бок.

«Возможно, ещё не время, — размышляла тем временем Бриана, глядя на плечи волшебника, укрытые лоскутным одеялом. — Сейчас в стране неспокойно. Меня ищут; того, кто мне помог, ищут. Сейчас отрываться от Веги нельзя, это даже глупо. Если меня поймают и вновь приговорят к смерти, разве смогу я найти убийцу брата и вернуть себе

своё положение? Нет. Надо ждать. Вега нужен мне, я нужна Веге. Надо ждать. Другого варианта нет... Он говорил о шнуре? Такой шнур — это здорово, это шикарная придумка...»

И Бриана набросила на себя плащ, устроилась удобнее на лапнике, вновь закрыла глаза. Теперь ей думалось спокойнее, и очень скоро она заснула, уже не обращая внимания на вой ветра и стоны старого соснового леса...

* * *

Следующие два дня странствие проходило спокойно и даже скучно. Бриана могла по пальцам пересчитать тех, кто им встретился: два угрюмых крестьянина с телегой, загруженной дровами, слепой старик в рыжем балахоне с поводырём-мальчишкой (им Вега дал золотую монету, мешочек изюма и половину пшеничного каравая), всадник в плотном синем плаще и на красивой вороной лошади, который пронёсся мимо, не обратив на путешественников никакого внимания. Видимо, у него были какие-то чрезвычайно важные дела.

А вот утром третьего дня Вега и Бриане попался фургончик бродячих актёров, пёстрый, трясущийся на ухабах и из-за этого звякающий сокрытым в глубине шутовским скарбом —

бубенцами, тимпанами и всем таким прочим.

Актёры, конечно же, были яркой встречей. Они сами окликнули ехавших рысью путников и предложили им присоединиться к их небольшому бивуаку, разбитому невдалеке от тракта, под старыми липами.

Их соловые лошадки пощипывали пожухлую от ночного морозца траву, а сами комедианты подкреплялись гречневыми лепешками, салом и мочёными яблоками.

— Они хотят пообщаться, потянуть из нас информацию о тех местах, откуда мы едем, — шепнул волшебник девушке. — Держи ухо востро, не болтай лишнего, на меня посматривай. Если что — я дам тебе знак, и мы смотаем удочки. Подмигну. Или кашляну...

— Так подмигнёшь или кашлянёшь? — хмыкнула Бриана (она не разделяла опасений парня).

— Э-э, кашляну, — решил Вега, потрянув головой.

— А погода-то нынче скверная, — такими словами встретил их глава труппы, невысокий, коренастый и кривоногий мужчина лет сорока с красным, плохо выбритым, опухшим лицом.

Вега пожал плечами:

— Ну, в это время года она всегда такая.

— Приглашаем к нашему огоньку, добрые

господа, — позвала волшебника и Бриану сильно загорелая, тощая, но весёлая женщина в платье, сооружённом из разноцветных лоскутов; она добродушно улыбалась, демонстрируя отсутствие двух передних верхних зубов, и держала в руках деревянные тарелки с угощением, которые собиралась вручить гостям.

Когда молодой человек и девушка устроились на подстилках у костерка, рядом с двумя хмурыми и лохматыми юношами лет шестнадцати, глава труппы сел напротив и, набив себе трубочку, заговорил, щурясь и подобострастно улыбаясь:

— Я — Бето, акробат и певец. Это — жена моя, Фибия. Тоже поёт и на тимпанах хорошо играет. А это — сыновья мои, Себа и Шон, тоже акробаты, а еще — жонглёры. Мы в Яблочный посёлок едем. Вчера еще в замке Пирма были, тамошнего барона и его двор развлекали. Скупердяем он оказался: меди нам насыпал вместо серебра. Ну, да ничего, не привыкать. В Яблочном своё возьмём. А вы сами откуда? Не из Яблочного ли?

— Нет, не из Яблочного, — замотал головой волшебник, улыбаясь почти так, как жонглёр. — Я — Вега, это — брат мой Тиша. Мы из Латки едем, на юг. Мы по врачебному делу мастера, — объяснил и взялся пробовать актёрское угощение.

— О! Какое дело хорошее! — Бето довольно

потёр руки. — У меня колени что-то побаливать стали. Не посмотрите?

— Подкреплюсь и посмотрю, — кивнул Вега, косясь на хмурых юнцов, которые не участвовали в разговоре и почти не двигались — сидели на своих циновках, угрюмо глядя в костёр, где потрескивало тополиное поленце.

Бриана тоже обратила внимание на парней. Точнее — на их странное поведение. Один мял в руках пук травы, второй — то и дело хрустел суставами пальцев. Сыновья Бето, судя по всему, чего-то с нетерпением ожидали.

Тут вдруг Вега, побелев лицом и округлив глаза, отшвырнул от себя тарелку с едой и вскочил, будто его ошпарили:

— Вы что мне подсунули? Тиша! Не ешь этого!

Потом случились совершенно неожиданные вещи: Себа и Шон со злобным рычанием кинулись на Вегу и сбили его с ног. Волшебник заорал, а потом захрипел, потому что один из братьев схватил его за горло и стал душить. Бето же попытался наброситься на Бриану, но девушка прекрасно умела вести себя в подобных случаях. К нападениям она всегда была готова: не раз тренировалась отражать внезапные атаки, а потом закрепляла тренировки в настоящих битвах.

Она, не вставая на ноги, кувырнулась в бок, и

Бето обхватил воздух, а не её плечи, и упал носом на подстилку, на которой только что сидела девушка. Королевна же не потеряла ни минуты — бесстрашно выхватила из костра горящее полено, кинулась к Бето и, не жалея сил, огрела акробата по голове.

Бето охнул, обмяк и больше не поднялся.

Зато его жена Фибия, которая только сейчас сообразила, что муж проигрывает схватку, кинулась ему на выручку с большим ножом наперевес.

Бриана подловила момент, когда Фибия замахнулась, и резко присела, сделала подсечку правой ногой — женщина рухнула на бок, выронив оружие. Этого Бриана и ждала: подхватив нож, она безжалостно вогнала его в горло кричащей Фибии, выдернула и, уже не обращая внимание на захрипевшую и залившуюся кровью противницу, бросилась выручать Вегу, который только что весьма удачно лягнул ногой одного из братьев. Но второй крепко держал волшебника за горло и ревел: «Сдохни, сволочь!» Вега храпел, как загнанная лошадь, и заметно багровел, цепляясь слабеющими руками за весьма сильные руки душителя.

Королевна вонзила нож юнцу в правый бок. Парень тонко вскрикнул и отлип от волшебника, упал на спину, держась за рану, из которой хлынула кровь.

Бриана повернулась ко второму, чтоб и ему

показать, что их весёлая семейка совершила большую ошибку, напав на бродячих лекарей. Но этот юный акробат уже не горел желанием драться — он улепётывал с места событий в сторону леса и даже не оглядывался.

Тогда Бриана наклонилась к волшебнику, простёртому на траве. Вега кашлял и хрипло ругался.

— Цел? Не ранен? — поинтересовалась девушка, протягивая ему руку.

— Цел, не ранен, — ответил волшебник. — Вот же твари! Какой-то гадостью сало посыпали — я по вкусу определил. И я сейчас из-за этой гадости совсем слабый: руки-ноги не слушаются и голове дурно, как от плохого вина. Хорошо, что ты поесть не успела.

— Хорошо, — согласилась Бриана, подтягивая парня к себе. — Идти сможешь?

— Это смогу. Только тихонько... У, сволочи, — зашипел Вега на скулящего раненого, который пытался заползти под фургон. — Может, стоит подпалить их фургон? А лошадей разогнать? А харчи забрать и посуду перебить?

— Плюнь на них, — сказала королевна. — Они своё уже получили. Давай лучше убираться отсюда.

— Да-да, ты права, нам надо ехать... Проклятое ворьё! Как же здорово, что я не один

был! А ты здорово с ними разобралась! Ты сильная и ловкая!

— Меня научили разбираться с теми, кто угрожает моей жизни и жизни тех, кто мне дорог...

— Значит, я тебе дорог? — улыбнулся волшебник.

— В настоящее время ты — мой единственный друг, а понятие «друг», по моему мнению, происходит от понятия «дорог», — призналась Бриана.